ISSN 0131-5994

Ровесник

АВГУСТ 8/89

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: этот снимок фотокорреспондент Евгений СТЕЦКО сделал на одной из улиц Варшавы.

Ровесник 8/89

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 06.06.89. Подписано в печ. 10.07.89. А00936. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 195.

Одена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Москва, 125015, Новодмитровская ул., дом 5а, «Ровесник».

ВОПРОС — ОТВЕТ

Почему у нас нельзя, например, показывать одну из американских телепрограмм?

Читатель, г. Воронеж

Заместитель генерального директора «Совтелеэкспорта» **Е. Г. АКСЮКЕВИЧ:** Вопрос прежде всего юридический и финансовый. Хотя мы можем принимать зарубежные телепрограммы, транслировать их на Советский Союз мы не имеем права, такая трансляция преследуется международным законодательством, штраф за его нарушение непомерно велик. На показ каждой зарубежной передачи требуется заключить контракт, который стоит немалых денег, причем в валюте. Тут еще и вопрос технический: чтобы напрямую транслировать передачи из-за рубежа, нужны дополнительные технические мощности, их предоставляют иностранные фирмы — а это тоже стоит крупных валютных средств. Мы стараемся вести безвалютные обмены телепрограммами с западными фирмами, бывает и так, что нам разрешают транслировать некоторые программы бесплатно, как, например, два концерта из Лондона и один из Вены в Фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

А может ли простой советский парень поехать в Никарагуа работать, строить дома, убирать кофе?

Геннадий Дмитриев, г. Петрозаводск

Заведующий сектором Латинской Америки Комитета молодежных организаций СССР **А. КАНУННИКОВ:** Может. Уже несколько раз отряды «простых советских парней» побывали в Никарагуа и работали там на уборке кофе. Первые добровольцы набирались из числа ударников строительных студенческих отрядов, отбор кандидатов осуществлял Центральный штаб СО. В прошлом году процедура набора была изменена: «Комсомольская правда» (18 октября 1988 года) объявила конкурс среди советской молодежи за право участвовать в работе отряда в Никарагуа. И в этот раз создана общественная комиссия, которая проведет конкурс и определит состав отряда.

Не могли бы вы подсказать адрес студии грамзаписи, которая могла бы высылать зарубежные пластинки?

Андрей Носиков, п. Риколатво Мурманской области

Заместитель генерального директора Всесоюзного творческого производственного объединения «Фирма «Мелодия» **А. Н. ЧЕЧЕТКИН:** Проблема одна — валюта. Советский покупатель не имеет возможности обратиться в зарубежную фирму с просьбой прислать ему ту или иную пластинку, так как не имеет валюты. Каждая лицензия на производство зарубежной пластинки в Советском Союзе стоит очень дорого. Контракт, который заключает с советской стороной иностранная фирма, к тому же ограничивает тираж, хотя, конечно, западный предприниматель готов продать нам право на выпуск пусть даже миллиона пластинок — были бы деньги,— но наши валютные средства довольно ограничены. Как правило, мы имеем возможность выпустить лишь 50—100 тысяч пластинок одного наименования. Для Советского Союза — это капля в море. Все пластинки поступают в торговую сеть. Из-за большого дефицита пока нет возможности наладить продажу лицензионных пластинок по почте.

Расскажите о двух названиях Нидерландов.

Юра Климин, г. Батайск

Государство Нидерланды известно также под названием Голландия. Первое переводится с голландского как «страна на низменности ниже уровня моря», второе означает «полая земля». Оба наз-

вания отражают географические особенности страны, вынужденной защищаться от затопления морской водой с помощью прибрежных дамб. Голландией называются только две западные провинции (Северная и Южная Голландии), сыгравшие ведущую роль в истории государства и до сих пор сохранившие центральное положение в политической, экономической и культурной жизни страны. Перенесение этого названия на всю страну столь же неоправданно, как в случае с нашим государством, когда под Россией подразумевают весь Советский Союз, а под русскими — все национальности нашей страны.

Мы просим написать о проблемах возвращения советских солдат из плена.
Лена, Таня, Тася, Оля,
Краснодарский край

Ответственный секретарь Координационного комитета советской общественности за освобождение военнослужащих, захваченных в плен в Афганистане, **В. В. МАРИЙ:** Мы надеялись, что после вывода советских войск из Афганистана проблема освобождения пленных прояснится, но она по-прежнему остра. Мы до сих пор не знаем, кто именно, сколько наших ребят и в чьих руках находятся; думаю, сами моджахеды не смогут точно ответить на эти вопросы: их отряды, в плену которых могут быть наши солдаты, постоянно передвигаются с места на место. Я и другие наши товарищи встречались с некоторыми полевыми командирами. В их отрядах, заверили они, нет советских военнопленных, но они обещали помочь в нашей работе. Негативное влияние на решение проблемы пленных оказало обострение обстановки в Афганистане. Вероятно, по этой причине не возобновились контакты в Пакистане между советскими официальными представителями и представителями афганской оппозиции, установленные при содействии пакистанского правительства. Одновременно с переговорами, которые ведутся на правительственном уровне, мы стараемся воздействовать на руководство США и Пакистана, используем все возможные рычаги на уровне общественных организаций, таких, как Международная амнистия, Красный Крест, мусульманские организации, и действуем по трем направлениям: добиваемся точных данных о наших ребятах, находящихся в плену; требуем, чтобы им сохранили жизнь и обеспечили нормальные условия содержания, в таком ключе ведем радиопередачи на Афганистан и Пакистан; устанавливаем прямые контакты с теми, кто держит в плену советских солдат. Работа ведется большая.

По стране шло кооперативное видео. Но издали какой-то указ. Мы спрашивали, что за указ, и кооператоры объяснили нам так: все видео отдали под начало Госкино, а там разве дадут хорошие кассеты?
А. Часовских по поручению группы 18 СПТУ № 31, г. Березники

Первый заместитель директора ВПТО «Видеофильм» **О. В. ТЕНЕЙШВИЛИ:** Существовавшие прежде кооперативные видеосалоны — наглядный пример бизнеса по-советски: натуральное воровство, видеопиратство! За публичный показ видеофильма, сделанного за рубежом, каждому, кто его показывает у нас, полагается крупный штраф (причем в валюте) за нарушение прав собственности иностранной фирмы, обладающей монопольным правом на тот или иной фильм. Прежде чем показывать какой-либо видеофильм, нужно за валюту купить право показа и тиражирования видеофильма — к тому же тираж ограничивается в соответствии с контрактом. Поэтому 29 декабря прошлого года постановлением Совета Министров СССР «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов» в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР» в приложении № 1 кооператорам запрещена публичная демонстрация кино- и видеопродукции. А видеосалоны отдали не только под начало Госкино, они имеются и под началом ЦК ВЛКСМ, и ВЦСПС, и других организаций и молодежных центров на местах.

75 лет
СО ДНЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
50 лет
СО ДНЯ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ПОЛЬШУ. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

75 лет назад, 1 августа 1914 года, начинается первая мировая война — империалистическая война между двумя коалициями капиталистических держав за передел уже поделенного мира, захватническая и несправедливая с обеих сторон. Длится она 4 года 3 месяца и десять дней: убито 9,5 миллиона человек, 20 миллионов ранено, из них 3,5 миллиона осталось калеками. Погибло много мирного населения, от голода и других бедствий, вызванных войной, только в 12 воевавших государствах эти потери составили свыше 20 миллионов человек, в том числе в России 5 миллионов. Казалось, люди никогда больше не позволят втянуть себя в мировую бойню. Но договоры, подписанные после поражения Германии и ее союзников, лишившихся значительных территорий и обложенных репарациями, не только не устраняли противоречий между империалистическими державами, а лишь усиливали их. 20 лет спустя, 1 сентября 1939 года, Германия начинает новую мировую войну, размеры трагедии не отразит никакая статистика: число погибших, масштабы разрушений не укладываются в человеческом сознании. История второй мировой войны вызывает сегодня множество дискуссий. После подписания в 1938 году главами правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии Мюнхенского соглашения о расчленении Чехословакии (ее правительство отклонило предложение СССР о военной помощи) была ли для Советского Союза в сложившейся ситуации другая альтернатива заключению пакта с Германией? После его подписания Германия вторглась в Польшу, потом во Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Югославию и Грецию. Почему не удалось создать антигитлеровскую коалицию накануне войны? Насколько велики были просчеты советской дипломатии? Какую роль сыграло негативное отношение западных держав к внутренним процессам в нашей стране, которые мы теперь называем сталинщиной? Во всем этом еще предстоит разобраться историкам. И работа уже ведется большая: так, в «Правде» 25 мая 1989 года опубликованы результаты совместного исследования Комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами. Не претендуя на научную оценку событий, мы предоставляем слово очевидцам двух самых страшных войн в истории человечества. Публикацию подготовил В. СИМОНОВ.

1 АВГУСТА

75 лет —

СО ДНЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

На снимках: торжественные проводы германских солдат на фронт (в верхнем левом углу и слева внизу); смерть на поле боя (в центре); Париж встречает освободителей (справа).

Чарлз ЭДМОНДС

ВОЙНА МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА

Автора этих строк война застала семнадцатилетним мальчишкой в доме провинциального священника. В то славное лето 1914 года я валялся в гамаке и поедал сливы — много слив — в саду, буйно заросшем шорником. Мы вели войну против осиных гнезд и, признаться, не отличались храбростью. Одна девочка боялась темноты даже больше ос, и, когда мы с ней шли по аллее на позднюю вечеринку, я со стыдом обнаружил, что темная аллея пугает и меня. Возможно, я продолжил бы учебу в колледже, если бы не сообщение в утренней газете об убийстве в Сербии. Я решительно заявил, что пойду сражаться за сербов. Мой дядя ответил: «Даже и не думай». И вдруг события из газет перекочевали в реальную жизнь, даже в жизнь нашей деревни.

4 августа в жаркий полдень мы с дядей гуляли, когда нам повстречался взмыленный солдат на велосипеде, разыскивавший дом, в котором жил его полковник. Мы показали дорогу, и солдат сказал нам, что послан вручить приказ о мобилизации. А вечером в объявлении, повешенном на почте, мы прочли о том, что началась война.

На углу улицы вокруг любившего поораторствовать мясника собирались шумные митинги. Судя по его утверждениям, не проходило и дня, чтобы в Тауэре не расстреливали шпиона, а в Северном море не потопили германский военный корабль. Мы не сомневались, что армия и флот вели себя по-геройски.

Мы продолжали войну против осиных гнезд, но также купили карты Европы, куда втыкали флажки, отмечая позиции армий. Мой двоюродный брат ушел на войну, и я, и наш шофер собирались отправиться следом. После нескольких неудачных попыток меня все же зачислили в пехотный батальон и направили на курсы боевой подготовки в Мидленд.

Никогда больше не будет такой блестящей компании, такой готовности подчиняться приказам, такого слепого преклонения перед любым героем-военным, обучавшим нас своему ремеслу. День за днем долгие часы мы тренировались в парке. Когда же нас отправят на фронт? — недоумевали мы. Прошла зима; потянулся 1915-й, а мы все еще сидели в Англии, постигая боевое искусство. Мы стали бояться, что война закончится без нашего участия. Некоторые из нас дезертировали, чтобы записаться в другие части, которые, как они надеялись, скорее отправят на фронт.

На фронт нас отправили в декабре 1915 года, когда мне исполнилось восемнадцать. В ночь на рождество мы плыли на военном корабле в Гавр, и весь путь меня сильно тошнило. Через несколько дней меня с тремя другими младшими офицерами прикрепили к полку, занимавшему боевые позиции в районе реки Сомма. Случилось то, чего мы так ждали, до чего же мы были счастливы!

Погода стояла солнечная, мы спали, или сплетничали, или охотились с терьером на крыс, или наблюдали, как вокруг далеких аэропланов возникали облачка дыма. Все было комедией и воспринималось соответственно. Мы аплодировали, если снаряд попадал в дерево или сносил крышу дома, а уж если «братец бош» заставлял инспектирующего генерала бесславно кинуться навзничь — вот было смеху!

Едва темнело, по обе стороны ничейной земли начиналась странная работа, при которой следовало избегать малейшего шума. Люди ползали в темноте, таская бревна и доски или колючую проволоку, в кровь раздирая руки. Невидимый враг тоже, как и мы, всматривался в темноту и тайно работал. То с нашей, то с той стороны на подозрительные звуки открывалась пальба.

Страх застал меня врасплох. Это случилось через две или три недели после моего прибытия на фронт: я, назначенный дежурным офицером, следил за раздачей чая из котла, или «лоханки», как в нас угодил снаряд, расшвыряв очередь и чай в разные стороны. Все бросились в окоп. Некоторые, согнувшись пополам, попадали на землю. Оглушенный и расцарапанный, я обнаружил, что лежу под сержантом, раненным в бедро, а рядом кто-то дико ревел от боли. Не смея оглянуться, в страхе, что не выдержу подобного ужаса, я потащил сержанта, оставив на других второго раненого. С тех пор бездумное ощущение безопасности покинуло меня.

Очень скоро мне пришлось узнать, что такое массированный артобстрел. Помню, сидишь в окопе, и в голову лезут такие абсурдные суеверия и заклятия — лишь бы отвести от себя снаряд, приближение которого ты слышишь. У каждой пушки и у каждого снаряда свой характер. Одни снаряды летят со свистом, другие визжат, третьи булькают, как вода. Весь день сидишь и слушаешь, рассчитываешь, надеешься, отчаиваешься, заключаешь сделки с судьбой, кокетничаешь с собой и прикидываешься простачком — лишь бы привлечь удачу. Кажется, вон то орудие бьет точнее других, и ты ждешь его выстрела с таким напряжением, что забываешь об остальных, которые, возможно, еще опаснее. Но вот этот выстрел. Ты лихорадочно цепляешься за разговор, говоришь быстрее обычного, твои нервы на пределе, и, хотя внешне ты держишься как мужчина, твои мышцы не слушаются тебя. Колени дрожат. Ты моргнул? Твое лицо исказил страх? Откуда тебе знать. Возьми себя в руки, заставь себя говорить, думай о чем-нибудь. Простучи мелодию костяшками пальцев на коленке. Не торопись — спокойнее — достучи мелодию до конца, тогда ты спасен на этот раз. Ты веришь, что твой ритуал защищает тебя. Ты словно ребенок, идущий по плитам мостовой, стараясь не наступить на щель. Суеверия и неврастения полностью завладели тобой. Звук нарастает, снаряд ближе, внутренне содрогаясь, ты все же вслушиваешься в разговор. Следи за мелодией, не сбейся с ритма, не то все твои старания напрасны. Снаряд ближе. Что там рассказывает Торнберн? Да, да, еду принесут в девять. (Взрыв!)

Слава богу, мотивчик удался. Но тут же тебя охватывает паника. Следующий снаряд будет точнее. И следующий, следующий, следующий... Однажды я не выдержал. Удача отвернулась от меня, самообман раскрылся, заклятия перестали действовать — снаряд бухнул в грязь совсем близко — я выругался, я вскочил, я потерял над собой контроль. Тогда Торнберн положил руку мне на плечо: «Спокойно»,— сказал Торнберн.

В июне артобстрелы усилились. Первое июля считается датой начала битвы при Сомме — самой кровавой и безжалостной в мировой истории. Мы в тот день не наступали, а провели газовую атаку. Наши дни заполнились умопомрачительными артобстрелами, мы жили среди смерча огня и стали. И вот настал день, когда мне пришлось выйти из окопа и принять участие в открытом бою.

Я думаю, во мне, как и во многих из нас, уже горело возбуждение боя. В эти дни перед битвой я пребывал в особенном состоянии, врачи определили бы его как невроз. Я испытывал странное ощущение раздвоенности, присущей людям в переломные моменты: одна часть сознания говорила об опасностях, другая испытывала романтическую воодушевленность, чуть ли не радость. В то же время в теле ощущалась пустота, и страх поднимался откуда-то снизу.

Однажды в полдень в мой блиндаж вошел незнакомый солдат и спросил, как найти штаб бригады. Нашивка на его форме говорила, что он из 17-го батальона. Солдат едва держался на ногах.

— Как дела в 17-м? — спросил я.

— Пришлось туго, сэр. Может, слышали, наш полковник погиб.

— Очень жаль. Много бошей уложили?

— Да так, много атак было, артобстрелы и прочее. А моего брата, сэр...

— Серьезное ранение?

Из книги Чарлза Эдмондса «Война младшего офицера», Лондон, 1929 год.

— Его убили, сэр.

— Очень жаль... Может быть, чаю?

— Нет, спасибо, сэр. Я с донесением. Мы ведь с братом были с самого начала вместе.— И он ушел.

Ричардсона послали в разведку. Он вернулся лишь под вечер усталый и обалдевший. «Там бойня,— рассказывал он,— всюду трупы, жуть — почему никто их не хоронит, непонятно. Но одно хорошо: многие убитые — эти дубиноголовые. Если бы я мог, я бы всех их поубивал — и раненых, и пленных. Хороший бош — только мертвый бош».

Вечером меня и моего командира Бикерстета вызвали в штаб. Мы пришли последними, застав полковника над картой в окружении остальных офицеров.

— Итак, все в сборе,— сказал полковник.— Хорошо. Сегодня ночью мы проведем небольшое наступление,— заговорил он скучным голосом, словно речь шла об учебных маневрах.— Объект — перекресток за пунктом Оливье...

Я почти не слышал, что говорит полковник. Вряд ли я смогу объяснить, что со мной случилось — страх или волнение охватило меня, словно сквозь сон я слушал, словно сквозь сон записывал инструкции.

— Кого из младших офицеров вы оставите в тылу, Бикерстет? — вдруг спросил полковник. Дикая надежда пронзила меня, но Бикерстет виновато посмотрел мне в глаза и сказал:

— Сэр, я считаю, нужно оставить Ричардсона.

— Решено,— смачно сказал полковник,— а Эдмондс поведет правый фланг.

На мгновение страх парализовал меня, но, к своему удивлению, вскоре я принимал и записывал инструкции так же безучастно, как полковник отдавал их.

Перед выступлением рядовой Элиот попросил разрешения поговорить со мной. Совсем мальчишка, я был знаком с ним еще в Англии. И все-таки мне льстило, что за советом и помощью он обратился не к командиру Бикерстету, а ко мне. Элиот чуть не плакал.

— Я не хочу идти в наступление,— сказал он, не скрывая испуга.— Мне всего семнадцать. Я хочу домой.

— Ничем не могу помочь, приятель,— сказал я твердо, по-мужски (самому мне едва исполнилось девятнадцать).— Тебе следовало об этом подумать, когда ты просился на фронт. Разве ты не сказал тогда, что тебе девятнадцать?

— Да, сэр. Но мне еще нет даже семнадцати, сэр.

— Что ж, ничего не поделаешь,— сказал я.— Тебе придется через это пройти. Я постараюсь чем-нибудь тебе помочь, когда мы вернемся.— Я похлопал его по плечу.— Стоит только начать, как все встанет на свои места. Самое худшее — вот такое ожидание, никому из нас оно не по вкусу. А теперь иди и не падай духом.

Этот инцидент помог мне восстановить собственное душевное равновесие.

Мой первый бой проходил следующим образом: в темноте мы заблудились и потеряли связь с левым флангом, в довершение напоролись на пулемет бошей. Я выхватил револьвер и первый поднялся на ноги. «Вперед, ребята! — заорал я.— На штурм!»

На всю жизнь я запомнил то жуткое мгновение, когда увидел, что стою один. Словно со стороны я смотрел на эту нелепую фигурку, изображающую героя. Но вот рядом встал один солдат, и, повинуясь какому-то порыву, мы бросились на врага. Я добежал до бруствера окопа, пытаясь сообразить, как мне действовать дальше, если меня встретит германский штык. Справа от меня раздался взрыв снаряда, я прыгнул в окоп — но вокруг никого не было. Мне даже пришла в голову дикая мысль, что я один выиграл битву при Сомме.

Мы заняли пустовавшие укрепления, все еще не представляя, где мы находимся и где остальные наши силы. В четыре утра нас нашел Бикерстет и набросился на меня с вопросами: почему я миновал заданный рубеж и углубился в неприятельские позиции? Но окопы и блиндаж ему понравились.

Утром нас атаковали. Я бросал гранаты и палил из револьвера, как вдруг посреди окопа увидел маленький черный предмет, по форме и размерам напоминавший утиное яйцо. Я догадался, что передо мной новая разновидность гранаты, и пока я раздумывал, хватит ли у меня мужества взять ее в руки и выбросить из окопа, как «яйцо» разорвалось. Не зная, ранен я или нет, я кинулся в блиндаж и чуть не плача упал у ног Бикерстета. Моя одежда была изодрана, рука в крови — и только. Бикерстет держался хладнокровно, наблюдал за боем в перископ и отдавал приказы.

— Эдмондс,— сказал он,— собери людей и иди в контратаку.

— Иди к черту,— закричал я.— Я больше не могу.— Я лежал на земле и тяжело дышал. Оставшихся в живых в контратаку повел младший офицер Уэллс, он же принес мой револьвер, который я «бесстыдно бросил, убегая от врага».

В окопе умирали два солдата: рядовой Прэтт беспомощно колотился в последних конвульсиях и старый солдат Миллс кричал от боли. Других раненых внесли в блиндаж.

Мы страдали от жажды. Никто из посланных за водой не вернулся назад. Мы решили прорываться к своим, но прежде похоронили убитых, поставив три грубо сколоченных деревянных креста. Никто не выразил желания прочесть на могиле молитву, а я счел себя не вправе вмешиваться: я всего лишь младший офицер, а похороны — дело товарищей погибших.

Выйдя на открытое пространство, мы попали под мощный обстрел противника. «Быстрее!» — торопил я своих людей, но они были без сил, нагруженные амуницией, с трудом карабкались по грязи вверх на холм. И тут я потерял терпение: я приказал утопить ящики с боеприпасами в одной из воронок, в другой — пулемет, и не помню, сколько магазинов с патронами. Теперь мы бежали налегке. Я, как полагается командиру при отступлении, бежал последним.

В одном из окопчиков я увидел связиста с наушниками на голове. Я приостановился и прокричал: где мы находимся? Не проходила ли здесь рота? Тот медленно поднял голову и с мольбой поглядел мне в глаза. По шее радиста текли две струи крови. Не знаю, какими мотивами я руководствовался: в раздражении ли, что не добился ответа, оторопев ли от удивления или просто чувствуя, что ничем не могу помочь бедняге, или решив, что конец его близок, я пообещал радисту прислать санитаров и побежал догонять своих. Я не выполнил обещание, и тот затравленный взгляд я вспомню не раз.

В этой операции наш батальон одержал победу, потеряв убитыми и ранеными четверть своего личного состава. Отступая, немцы взрывали мосты, минировали дороги, угоняли скот, сжигали посевы. Из ненависти к французам разрушали крестьянские дома, церкви и памятники, угоняли мужчин, женщин и детей в рабство. С берега Соммы мы видели, как горят пятнадцать французских деревень, но нас это мало беспокоило. На войне, как сказал поэт,

Кровь и разрушение войдут в твою привычку,
И ты привыкнешь к мерзости.

Нас больше занимало, на сколько километров отступит неприятель и сможем ли мы развить наступление?

В октябре в районе Соммы погиб мой брат. В то время я решил разобраться в себе и обнаружил, что стал другим человеком. И хотя я по-прежнему старался как можно лучше исполнять свой долг и внешне оставался тем же, что и прежде, но война полностью утратила для меня всякий интерес. В письмах матери я уже не рассказывал о своих геройских приключениях.

Война стала обыденным делом. Жизнь ограничилась рамками английского фронта во Франции и ожиданием следующей весны с ее новыми военными кампаниями. Мировая политика вершилась поверх наших голов. Для нас, каждый день живущих ожиданием смерти, будущее перестало что-либо значить. Жизнь была бессмысленна. Очень немногие счастливцы имели представление о том, чем они хотели бы заняться после войны. Миллионы молодых людей не знали никакого другого дела, никакой другой судьбы, кроме военной. Мы стали безразличны к будущему.

1 СЕНТЯБРЯ —

50 лет

СО ДНЯ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ПОЛЬШУ. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На снимках: узники концлагеря Освенцим в Польше; инспекция в Варшавском гетто; германские войска переходят границу Польши.

ВЗОРВАВШАЯСЯ ОСЕНЬ 39-го

Казимир ВИРЖИНСКИ

Каждый житель Варшавы, заснувший в последнюю ночь августа 1939 года, может считаться очевидцем начала войны. 1 сентября я проснулся в пять утра, а несколько минут спустя уже знал, что миру наступил конец. Меня разбудил гул низко летящих самолетов. Я вышел на балкон, откуда открывался вид на наш чудесный парк Лазенки. Густой туман окутывал деревья, начинался пасмурный день. Я не увидел самолетов. Сначала мне подумалось, что проходят учения десантников, но показалось странным, что выбрано такое неудачное время и такая погода. И тут я услышал грохот совсем иного рода, явно почувствовав толчки воздуха. Я не сомневался, что услышал взрывы. Война. Я помню, как эта мысль парализовала меня, и я долго не мог сдвинуться с места. Все-таки я еще не осознавал страшного смысла случившегося: наступавший день предъявлял свои права, и мысль продолжала работать в привычном направлении. Была пятница... обещал зайти столяр и принести несколько новых книжных полок... в полдень жена договорилась встретиться со своей сестрой... вечером мы приглашены в гости. И вдруг все это потеряло смысл. Воздух сотрясло снова, бомбежка продолжалась. Война.

Мы уже несколько месяцев ждали ее, а теперь не могли поверить, что она пришла. Хотя в отличие от остальных стран Европы нас никогда не усыпляли речи о миролюбии Германии. Мы знали: если понадобится воевать — мы будем воевать. Но никто не пытался заглядывать дальше: нам слишком не хотелось отказываться от мирной жизни. Так мы и жили день за днем, и, как всегда, двигались стрелки часов.

Еще до того, как мир узнал о нападении Германии на Польшу, враг уже оккупировал часть страны, погибали ее защитники, горели польские города и деревни. Когда в Варшаве объявили об эвакуации, я поехал на правый берег Вислы, откуда, по моим (как и многих других) представлениям, должно было начаться польское контрнаступление. Так я отправился в скитания, в итоге которых был вынужден покинуть страну.

Наверное, эта война — худшая за всю историю Польши, возможно, самая безнадежная из всех. Начавшись 1 сентября 1939 года, она была проиграна за два года до того, как прозвучал первый выстрел. Прежде она была проиграна в министерстве финансов беднейшей страны Европы, на заводах, где производились танки и самолеты, и в генеральном штабе армии. Насколько виновата судьба и насколько наша халатность? Мои записки не ставят целью ответить на этот вопрос, им займутся историки. Мое же изложение событий носит скорее личный характер.

Из Польши я эмигрировал в Румынию и оказался в маленьком курортном городке у подножия гор. Там я прочел речь Гитлера, произнесенную им в эйфории от первой победы на пути к мировому господству. Отняв у поляков все, что можно отнять у нации, он заявил, что слабость страны — достаточная причина, чтобы исключить Польшу из разряда свободных; в нескольких словах аннулировал государство, таким образом проявив заботу о духовном будущем нации, обреченной на уничтожение. Сказал, что его беспокоит судьба мирных жителей Варшавы, и уверил, что город будет взят штурмом в течение нескольких дней. Он предостерег мировое сообщество от попыток оказать помощь в обороне столицы, которая не способна сама себя защитить.

Прочитав немецкую газету, я понял, как неравны наши шансы в борьбе за правду: оккупанты захватили страну и заткнули ей рот. Теперь враг говорил и за себя, и за всех поляков.

Я хочу рассказать правду об этой войне. Понимая, что только непосредственные участники событий имеют право голоса, я предоставляю слово очевидцам, с которыми я встречался и записал их рассказы. По причине безопасности я не называю имен. Прошло много времени, прежде чем я смог исполнить свой замысел: война, начавшаяся в Польше, вскоре перешла ее границы и уже ведется повсюду от Арктики до Гималаев. Огонь пожара наших домов перекинулся на всю планету. Мне пришлось много скитаться, пока я наконец не оказался в США.

В лесу (со слов солдат и офицеров 11-й дивизии)

Вооружение польской армии оказалось беспомощным против стальной лавины танков и самолетов противника. Отдельные роты, разбитые полки и дивизии искали укрытия в лесу. Потеряв между собой связь, несмотря на лишения, усталость и голод, они продолжали вести боевые действия, по ночам внезапно нападая на врага, нанося ему огромные потери.

11-я дивизия, точнее, ее остатки, одержала победу над пятью германскими дивизиями, оккупировавшими район к северо-западу от Львова.

Отступая, дивизия продвигалась по дороге Пшемысль — Львов, проходившей через местность, гладкую, как поверхность стола. Здесь она оказалась открытой для бомбардировщиков и штурмовиков противника. Через семь дней пути, потеряв убитыми и ранеными множество солдат и офицеров, дивизия подошла к маленькому населенному пункту Садова-Висния. Ярко светило солнце, погода благоприятствовала врагу. Дивизия подверглась массированному удару германской авиации. Лишь удача помогала солдату спастись под градом пуль и бомб, сыпавшихся с неба.

Дивизия повернула на север и вошла в лес, надеясь укрыться от бомбежки и перевести дух. Ее положение казалось безнадежным: кольцо окружения сжималось. Германское командование предложило капитуляцию. С этим предложением немецкий офицер с белым флагом в сопровождении двух солдат появился у передового поста дивизии. Но командир роты, отказавшись от переговоров, отправил парламентеров назад и лишь после этого доложил о случившемся в штаб.

Бой начался около четырех часов после полудня. Небо немного затянулось, и прошел мелкий дождь, но авиация продолжала бомбардировку, ей вторила артиллерия.

После сотен пройденных пешком километров, после сотен бессонных часов польским солдатам предстояло новое испытание. Никто из них не дезертировал.

Они продвигались на север, от дерева к дереву, пробивая дорогу штыками и гранатами, продираясь сквозь кустарник, волокли следом на руках артиллерийские орудия. К шести часам передовые отряды дивизии подошли к краю леса, впереди за лугом виднелись окопы противника — желтый пояс песка.

Солдаты позволили себе краткую передышку и, завернувшись в шинели, заснули прямо на земле. В девять часов вечера они поднялись в атаку.

Совсем стемнело. Патроны вытащили из магазинов винтовок, чтобы случайным выстрелом не обнаружить себя,— и пошли, как можно быстрее, как можно незаметнее,— и вот неожиданно для противника появились в нескольких метрах от его укреплений.

Их встретил огонь по всей линии окопов. Артиллерия била прямой наводкой. Бой продолжался в траншеях, среди деревенских улиц — всю ночь и все утро. Атака следовала за атакой.

«Было так темно,— рассказывает участник боя,— что я с трудом отличал наших от немцев. После первой штыковой атаки все перемешалось. Левой рукой я ощупывал каску каждого, с кем сталкивался: если каска оказывалась немецкой, я всаживал в того, кто в ней был, штык. Потом наутро мы увидели, что наши шинели все в крови».

Утром дивизия овладела всем районом, куда входили деревни Музиловичи, Могила, Пшилбиши и несколько

Из книги Казимира Виржински «Забытое поле сражения», Нью-Йорк, 1944 год.

совсем маленьких, которых и нет на карте. Эта победа навечно останется в памяти поляков.

Деревенские улицы были забиты брошенными противником танками, грузовиками, цистернами, мотоциклами, артиллерийскими орудиями и боеприпасами. Но среди польских солдат почти никто не умел обращаться с техникой и водить транспортные средства. Взяв себе лишь несколько автомобилей, грузовиков и мотоциклы, всю остальную технику сожгли.

Рассказывает очевидец: «Сердце так болело. Я думал, как замечательна и в то же время как жестока наша победа. Уничтожая технику врага, мы сжигали и наши дома. Это было ужасно, но что нам оставалось?.. Я видел, как падала церковь от взрывов боеприпасов, как падали стены и крыши домов, словно невесомые. Ревел перепуганный скот, как безумные по полю бегали козы. Плакали крестьянские женщины с детьми на руках. Ужасная война. Мы знали, что нам придется погибнуть, и хотели отдать свою жизнь подороже».

В то же утро германская авиация подвергла район массированной бомбардировке. 11-я дивизия углубилась в Янов лес. Ей предстояло еще много сражений...

Соколы (со слов лейтенанта Д.)

«Наше взлетное поле находилось недалеко от Варшавы. Самолеты были хорошо замаскированы в лесу, погода стояла чудесная. За два дня до начала войны мы лежали на поле, пили парное молоко и спали на соломе. Мы наслаждались идиллией...

Для нас война началась около семи утра. По тревоге мы бросились к своим самолетам, потом долго кружили в облаках, отвечая на радиокоманды... Вдруг я заметил немецкий бомбардировщик. Помню, как подумал: по какому праву — в этом небе, над этой землей? Я прицелился и дал очередь. Самолет с крестом клюнул вниз и исчез в облаках. Не уверен, что подбил его. Пока я пытался найти среди облаков исчезнувший бомбардировщик, меня окружили три «мессершмитта». Я принял бой. Опасные машины: у них выше скорость и лучше вооружение. У меня кончились боеприпасы. Я пошел на снижение. В моем самолете было четыре пробоины, задет пропеллер, но мне удалось приземлиться на своем поле».

«Мессершмитт-110» вооружен четырьмя пулеметами и двумя автоматическими пушками, его средняя скорость пятьсот километров в час. Польский самолет вооружен лишь двумя пулеметами, средняя скорость — триста километров в час. Против трехсот двадцати польских самолетов у противника было три тысячи двести машин.

Только очевидец способен понять, как больно было смотреть в небо, покрытое немецкими бомбардировщиками, летевшими на Варшаву. Воздушное пространство Польши оказалось почти в полном распоряжении врага. Из своих домов мы наблюдали за воздушными боями наших летчиков, и никто из нас не уходил в бомбоубежище. Словно мы ждали чего-то, что восстановит справедливость, накажет преступника. Но воздух, которым мы прежде дышали, отныне стал источником смерти и разрушений.

Из своего окна я видел, как германские самолеты бомбили город. Всех нас душила ярость и беспомощность. Одному польскому солдату противостояли десять германских.

Лейтенант Д., как и другие пилоты его эскадрильи, делал по два, три, пять вылетов на дню: война одного против десяти ставила жесткие правила. Механики трудились над израненными машинами по ночам. Но так как эскадрилья несколько раз перемещалась на запасные поля, всегда не хватало запчастей или хотя бы инструментов и материалов, из которых можно было бы изготовить нужную деталь.

Когда эскадрилья разместилась на правом берегу Вислы, прошли дни, прежде чем грузовики с горючим смогли проехать туда по дорогам, заполненным беженцами. Ожидание и бездействие стали самым страшным испытанием для летчиков. С высоты, на которую не могли подняться снаряды польских зениток, немецкие бомбардировщики беспрепятственно бомбили Люблин.

Летая над польской землей, лейтенант Д. видел под собой страшную картину разрушений. «Иногда я закрывал глаза, чтобы не видеть все это, потом снова открывал, заставлял себя смотреть и думал: нет отмщения, которое возместило бы такое горе».

Этот юноша мечтал о славных подвигах и о победе, но ему было суждено принять на себя ношу поражения от врага, который вел войну словно в экстазе убийств и разрушений. Который расстреливал в воздухе пилотов, выбросившихся с парашютом, стрелял в детей, эвакуируемых из приютов, стрелял в женщин на крестьянских телегах, в пастухов, в скот. Которому нравилось убивать все живое, что было в Польше, все неживое ему нравилось разрушать. Рыцарская доблесть с ее готовностью отдать жизнь за идеал казалась неуместной рядом с таким противником, у которого был лишь один идеал — преступление.

В эскадрилье осталось всего семь самолетов: пробитые крылья, поврежденные пропеллеры и шасси — группа жалких инвалидов. Заставлять их взлетать с каждым днем становилось все труднее...

На море (со слов капитана Л.)

На Балтийском побережье стояло девять польских батальонов. Они оказались отрезанными в первый же день войны — и все-таки в течение двенадцати дней упрямо противостояли целой германской дивизии. Даже когда в бой вступила еще одна дивизия, польским солдатам удалось продержаться еще семь дней. Командир береговой обороны полковник Дабек с тридцатью оставшимися в живых солдатами продолжал обороняться до последнего патрона. Последний патрон он оставил себе.

Столь же трагическая участь постигла польский флот. Эсминец «Мазур» вел огонь, даже когда его палуба начала погружаться под воду. На траулере «Мева» дважды раненный капитан руководил боем, к орудиям встали механики и кочегары, остальные члены команды погибли. Все корабли были или потоплены, или получили сильные повреждения, но ни один из них не сдался. Трем польским кораблям удалось достичь берегов Швеции, двум другим — Великобритании, где уже находились три польских эсминца: там их застала война. Они вошли в состав Английского королевского флота и продолжали воевать против Германии.

Крестьяне (со слов рядового М.)

Армия отступала. Во время ночных маршей части теряли связь друг с другом. Караваны польских беженцев наводнили дороги: на лошадях и пешком, на автомобилях и велосипедах, с вещами, с детьми на руках — хаос, ругань, рыдания, пыль. По обе стороны дороги горели города и деревни...

В первый день войны Гитлер заявил: «Я не собираюсь воевать с женщинами и детьми», но крестьяне, безучастно сидевшие у дороги, слишком хорошо знали обратное. Так много женщин и детей не вернулось с полей домой: их мертвые тела остались лежать рядом со снопами сена или на картофельных грядках. Охота на крестьян, работавших в поле, стала одним из развлечений германских пилотов.

Крестьяне мстили за убитых: вылавливали и убивали немецких парашютистов, прыгавших с подбитых самолетов. Они припрятывали оружие — польская земля превратилась в их тайный арсенал.

«9 сентября,— рассказывает рядовой М.,— я находился в деревушке между Варшавой и Х. Утро было удивительно красивым. Мы отступали. Деревня, в которую мы вошли, лежала в руинах. Я расспросил жителей, сидевших у своих разрушенных домов, и вот что услышал: каждый день — и утром, и вечером — деревню бомбили. Вообще, у германских летчиков вошло в привычку сбрасывать бомбы на каждый населенный пункт, который оказывался у них на пути. Во время налетов жители деревни прятались в лесу, а едва самолеты улетали, они возвращались к домам и тушили огонь. Теперь, когда их дома были окончательно разрушены, они, не умея быть без дела, словно застыли у развалин своих домов, молча глядели на поток беженцев. Они так и остались между двумя армиями — словно между двумя мирами,— не понимая, как можно покинуть землю своих отцов».

Первый этап (сколько их еще будет!) жизни при СПИДе, видимо, подходит к концу. Болезнь из далекой угрозы превратилась в жизненную реалию. И панический страх, эмоции должны наконец уступить место трудным размышлениям: как жить, как ужиться со СПИДом! И как, борясь за выживание, остаться человеком! Иначе и сама жизнь потеряет смысл.

У многих, прочитавших статью французского журналиста, безусловно, возникнет порыв сострадания к несчастному Райану. Кажется, окажись я на месте его друга, никогда бы не бросил его в беде. А разум отрезвляет: может быть, и родителей соучеников Райана можно понять!

СПИД ставит перед человеком все больше вопросов, которые ему придется решать.

ХОЧУ ЖИТЬ В КОКОМО

Оливье РУОЙАН,
французский журналист

Худенькому мальчику в просторной куртке трудно дать его 14 лет. Голос совсем детский. Хотя жизнь у Райана Уайта складывается совсем не по-детски.

Ровно в восемь утра, каждый день в течение последних десяти месяцев Райан устраивается перед телефоном для очередного школьного дня. Из окна своей комнаты в доме, где живут они втроем — мать, сестра и он, Райан,— он смотрит на безлюдную улицу их городка Кокомо, на опустевшие лужайки: все дети сейчас в школе. А он — «представляет опасность для соучеников», таков приговор судьи, и с тех пор в классе о Райане напоминает только пристроенный на столе учителя микрофон, связывающий со школой его «вселенную» — шесть квадратных метров, заваленных игрушками и комиксами. Райан Уайт — один из тех детей, кто стал жертвой СПИДа. Многие из них живут только ожиданием смерти. Многие из таких, как он, уже умерли. Однако около двух десятков подростков пытаются по-прежнему идти дорогой жизни, той, которая начинается у школьного порога. Вместе с ними и вся Америка.

В декабре 1984 года Женни, мать Райана, не особенно встревожилась, когда сын, возвращаясь из школы, начал жаловаться на усталость. Но прошло несколько дней, и предполагаемый грипп не проходил, а все тело Райана покрылось красноватыми пятнами. В больнице Кокомо, где ребенку проделали множество анализов, медики, отводя глаза, открыли Женни страшную правду. У Райана — СПИД. Зараженную кровь он получил во время переливания. Ему остается полгода жизни. Это рождество будет для него последним.

«В течение десяти дней я пыталась скрывать от него правду,— говорит Женни.— Хотела, чтобы рождество было для него праздничным. Всякий раз, когда я входила к нему в палату, я сдерживала слезы». На следующий день после рождества, когда елку погасили, Женни все рассказала сыну. Он — взрослый. Он имеет право знать. Услышав роковое слово, Райан застыл, глаза заблестели. Он задал только один вопрос: «Я умру здесь?» Как и вся Америка, он знал о СПИДе почти все. Несколько дней Райан ни с кем не разговаривал. «Мне хотелось только одного, чтобы друзья не жалели меня и не говорили: бедняга Райан, он скоро

умрет. Я подумал, что надо продолжать жить».

Он был прикован к постели ощущением какой-то стариковской усталости. Надо жить, но мысли раз за разом возвращались к смерти. Он вспомнил, что по дороге в клинику он показал матери зеленое цветущее кладбище. Через несколько месяцев СПИД дал ему передышку. Так бывает, он знал. Вновь как будто заработали защитные силы организма. Мать забрала его домой. Райан чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы вернуться в школу. И Женни Уайт пошла к директору, чтобы оформить возвращение в школу сына. «В этой болезни еще так много неясного. Райан может заразить своих товарищей»,— услышала она в ответ.

В Кокомо, где живет всего 50 тысяч жителей, где умы прямолинейны, как улицы, в тот день позабыли об автомобильном кризисе и падении цен на пшеницу, волновавшем фермеров. По городу разнесся слух о возвращении в школу ребенка, больного СПИДом. Чума вошла в их город! По иронии судьбы СПИД поразил самую невинную из жертв в самом сердце пуританской Америки, которая считала себя не подверженной этому проклятию извращенцев и наркоманов Нью-Йорка и Сан-Франциско. Родители негодовали: нужно объединиться во имя своих детей и ради защиты их здоровья! На их стороне закон Индианы, запрещающий доступ в учебные заведения заразным детям! Были, впрочем, и такие, кто поддерживал Райана Уайта. Но немного. Родители же, возражающие против его возвращения, собрали под гневной петицией 1 тысячу подписей, а также 20 тысяч долларов в поддержку кампании. На бурных митингах, собиравших по пять сотен участников, скандировали: «Не хо-тим СПИ-Да в шко-ле, за-щи-тим сво-их де-тей!» На Женни Уайт обрушились анонимные телефонные звонки и письма с угрозами. Островком сдержанности выглядела городская газета, вставшая на защиту ее сына и опубликовавшая на своих страницах результаты многочисленных медицинских исследований о СПИДе.

Напуганные соседи осаждали больницу, чтобы проверить здоровье своих детей. На улицах за маленьким изгоем следили настороженные взгляды: фотография появилась в печати, и его стали узнавать. Райан потерял лучшего друга. «Я ни разу его больше не видел. Его родители боятся болезни. Почему?» Говоря о СПИДе, Райан выражается уверенно и четко, как медик. Он не понимает, из-за чего вокруг этого «тяжелого гриппа», как он называет СПИД, разгорелись страсти. «Почему их родители не хотят слушать врачей?» В его повседневной жизни он принимает только две меры предосторожности, подсказанные врачами: надевает пластиковую перчатку на правую руку, когда играет с приятелями, и пользуется дома бумажными носовыми платками. «Врачи же заверили меня, что я могу играть с друзьями. Значит, могу ходить и в школу»,— твердит Райан.

После шести месяцев юридических баталий и апелляционных судов американское правосудие решило покончить с делом Уайта, указав, что исключение его из школы является нарушением самых элементарных прав. Возвращение в школу было намечено на 21 февраля.

В то утро Райан встал в шесть часов. Он в тревоге слушал метеосводку — ночью шел сильный снег,— не отменили ли занятия. На улице, перед домом, его встретили журналисты, человек сто, со всей страны. Они хотели присутствовать при этой проверке Америки на гуманизм.

Райан был предупрежден, что должен подчиниться некоторым требованиям, в том числе пользоваться отдельным туалетом, пластмассовыми приборами в буфете. Он не будет заниматься вместе с товарищами ни гимнастикой, ни плаваньем.

В то утро, в пятницу, на перекличке не оказалось трети учеников. Через три часа после начала уроков собравшиеся у школы родители учеников потребовали принять постановление, по которому Райан был обязан покинуть класс. А в полдень вместе со своей матерью он вновь предстал перед судьей. Зал был полон. После короткого обсуждения дела о требовании родителей учеников судья Брабекер холодно объявил, глядя прямо в глаза Райану, что согласно закону штата Индиана ему не разрешено будет вернуться в школу после полудня. Решение суда было встречено овацией, как встречают справедливый приговор страшному преступнику. «Можно было подумать, что они выиграли матч в футбол. Они аплодировали»,— вспомнил Райан. Повернувшись к матери, с блестящими глазами, он прошептал: «Они все испортили, они ничего не поняли».

В отсрочке, дарованной болезнью, юстицией страны было ему отказано.

В тот день, 21 февраля, образ праздничной толпы родителей, ликующей перед телекамерами у входа в суд Кокомо по поводу того, что они добились исключения 14-летнего школьника, вошел в каждую американскую семью. А что остальная Америка? Маленькая комната Райана вдруг стала наполняться плюшевыми мишками и бейсбольными шапочками, подарками разных штатов. Почтальон оставляет на пороге их дома несколько сот писем и посылок в день. В столовой, где накапливаются сувениры со всего мира, Женни Уайт гордо показывает марки Израиля и Польши, конверты из Африки. Райану звонят другие дети, больные СПИДом. Они никогда не видели друг друга, но стали друзьями. Среди них Марк 11 лет из Свансиа, Массачусетс. Он первый в США, кто получил официальное разрешение вернуться в школу. Во всех других местах дети, больные СПИДом или подозреваемые в том, что они являются вирусоносителями, в школу не допускаются. Идет охота за невинными ведьмами.

Сегодня кажется, что Райан в добром здравии. Но сам Райан никогда не говорит, что он выздоровел. «Я знаю, что завтра вирус может вновь начать развиваться. Еще никто не выздоровел от СПИДа»,— добавляет он с холодной уверенностью. За улыбкой, за внешней жизнерадостностью Райан прячет свою боль и частенько запирается у себя в комнате. Болезнь прогрессирует медленнее, чем предполагали, но и при этом его надежды на жизнь не превосходят трех лет. Свою смерть он уже видел в нью-йоркских больницах, куда приезжал, чтобы навестить больных СПИДом. Взрослые люди, терзаемые ужасом смерти, были потрясены странной силой этого ребенка, который, сидя на уголке их кровати, читал им комиксы.

Чтобы заглушить жестокость и жалость, царящие вокруг него, он выдумал себе будущее: «Я хочу стать адвокатом»,— повторяет он. Будущее. А для Женни Уайт каждый день как последний. Она с тревогой ждет какого-нибудь симптома: усталости, слишком сильного кашля. Она знает, что рано или поздно адский круг сомкнется. И поэтому она хочет даровать своему ребенку лучший из подарков, лучшее из возможного для него будущего: возвращение в школу. Райан мечтает об этом беспрерывно, эта мечта дает ему силу.

В Кокомо лихорадка утихла. Райан слушает уроки по телефону, родители его бывших соучеников остались при своих медицинских предрассудках. Мэр принял решение снять ограничения со счета в банке на исследования по борьбе со СПИДом. Надо вновь «позолотить» образ города. Когда у Райана спрашивают, где бы ему хотелось жить, он как ни в чем не бывало отвечает: «В Кокомо, это очень милый городок».

Перевела с французского
Елена ЛИВШИЦ

„ТРУБА"

Удовольствие, которое я получал от беседы за чаем в переходе станции метро «Ельмункаштер», стоило три с половиной миллиона. Три с половиной миллиона форинтов, собранных в самых разных будапештских организациях на то, чтобы в бетонной стене подземного перехода появилось специально для «Молодежного Информационного Бюро» небольшое, метров десять в длину и всего из трех крохотных комнаток, строение из стекла, напоминающее теплицу. Здесь круглые сутки горит свет, даже когда никого нет: большая зеленая лампа над низким столиком, маленькие незаметные светильники, которые высвечивают в самых неожиданных местах самые неожиданные записки разных почерков, объявления. Записки, объявления, плакаты расклеены и по всей стеклянной стене «теплицы». Все они хором утверждали: вы можете, мы можем, ты можешь... Если хочешь, ты можешь — с верхнего левого угла — попасть на компьютерные курсы, справиться по указанному телефону, когда работают врачи в ближайшей поликлинике, прийти в клуб «Иди к нам» с любыми проблемами, поступить на языковые курсы для школьников, закончить на специальных курсах гимназию за два с половиной года вместо четырех, заняться пятью разновидностями каратэ, пойти в «данс-хауз» и потанцевать свои национальные танцы, если ты болгарин, югослав или грек, уберечься от СПИДа, взяв прямо здесь презервативы бесплатно, стать менеджером, позвонить в справочное бюро для пятнадцатилетних «Тин-та», купить музыкальные журналы со скидкой, вступить в клуб поклонников Клиффа Ричарда, «Уэм!», «Кисс», «Депеш мод», «Пет шоп бойз», с 8 до 16 часов в любой день получить консультацию по телефону в службе для беременных, заняться культуризмом, прийти в Свободный институт на лекции по истории Венгрии, позвонить по «Рок-телефону», который в курсе всех слухов, сплетен и сенсаций, и еще купить прямо в бюро билеты на вечер в театры и на концерты, на которые в городе билетов уже давно нет.

— ...Если мне делать нечего, можно тут просидеть целый день!

— Даже поспать можно, вон на том диване.

— Слушай, у меня вот пуговица оторвалась...

— Вот тебе игла.

— А если я очень злой приду!

— Книгу возьмешь специальную.

— Эту!

— Нет, эта для добрых. Ты чаю не хочешь!

— Хочу. Ну, взял я книгу, что потом!

— Открываешь на чистой странице и пишешь, отчего ты такой злой...

— Простите,— в дверях стояла молодая женщина с маленькой девочкой на руках и мужчина с ящиком апельсинов,— мы на часок у вас оставим!..

— Конечно, идите вон в ту маленькую комнатку, там есть все, что нужно.

— Да нам только ящик...

— Ящик можно и здесь поставить... Ну как, написал!

— Нет, потом напишу как-нибудь. Я уже не злой. А, к примеру, если человек пятьдесят придет с ящиками!

— На пятьдесят, наверное, места хватит.

— А пятьдесят первому что скажешь!

— Скажу: «Извините, вы пятьдесят первый». Так я делаю чай!

— Да. Вот что еще скажи, если бы мне было лет шестьдесят, я бы сюда пришел!

— Пришел бы.

— Зачем!

— У тебя бы было много вопросов, с которыми ты не знал бы, куда обратиться.

— В шестьдесят-то!

— Жизнь меняется. Вот если бы тебе шестьдесят было две недели назад, ты бы пришел спрашивать, кто разрешил полиции носить баллончики со слезоточивым газом. Но, может, и просто так заглянул бы!..

Лет десять-пятнадцать назад я бы поставил на этом точку, ничего не объясняя. Лет десять-пятнадцать назад — а это именно столько лет, сколько нужно, чтобы родилось новое поколение,— мне казалось, что возникла и будет существовать у моего поколения *общность*, такая, что, встретив человека впервые, можно, не объясняя все сначала, продолжить с ним разговор с того места, где прервалась беседа с другим, и быть, не мучаясь в объяснениях, самим собой. Тогда ходили странные «сюрные» анекдоты про вьющие гнезда на крышах кирпичи и улетающие стаями гвозди. Это были символически смешные анекдоты. В них не было традиционного второго смысла. Настоящий смысл появлялся в них только тогда, когда их рассказывали людям, не подозревающим, что им прямым текстом говорят, кричат: «Мы такие, какие есть».

Теперь должен объяснить: на «Ельмункаштер» шестое по счету отделение «Молодежного Бюро». Первое появилось в начале 80-х. Незадолго до этого, когда по Венгрии только-только прокатилась волна первой эпидемии наркомании, в Будапеште появились «чевеши». Эти внушающие опасение взрослым подростки в нарочито драной джинсовой «униформе», которую они надевали вечерами прямо поверх «партикулярного платья», собирались в городских подземных переходах, принося сюда, подальше от официального города, каждый свое «я», законсервированное в «светлое» — рабочее или учебное — время. Их «подземелья» становились бастионами, в которых оборонялось от посягательств со стороны «мы» «я» их поколения.

Сегодня уже никто — по крайней мере, на «Ельмункаштер» никто — не помнит, кому именно пришла в голову мысль вырубить в стене подземного «проспекта» у станции метро «Флориан» для «чевешей» небольшую комнатку.

— Зачем все это нужно! — спрашивали...

— Просто так!

— Так это же главное, в этом весь смысл. Ты, мне казалось, это понял. То, что здесь мы можем помочь тебе найти ответ на любой вопрос, по крайней мере, постараемся — на то нам и дано право теребить любые организации, это для того, чтобы ты сюда пришел и понял, что здесь можно чувствовать себя так, как ты хочешь себя чувствовать,— удивлялся мой собеседник, который был моложе меня лет на десять-пятнадцать.

— Все в порядке,— сказал я и положил на низенький стол иголку.

Вернувшись в Москву, в один из вечеров я прошел по улице Горького до здания Госплана и там спустился в переход к «Националю». Ничего не изменилось в нем с тех пор, как мы, 14—15-летние, школьники и уже нет, длинноволосые и совсем не «системщики», наркоманы и бродяги с «флэтов» и те, кто в десять поедет домой к родителям, съезжались сюда со всей Москвы только для того, чтобы постоять в Великой «Трубе», поговорить с такими же, как мы, и даже просто помолчать, потому что «Труба» была сама по себе занятием, которое давало нам всем опыт чувствовать себя под взглядами круглосуточно дежурящих здесь милиционеров и по-разному настроенных к одежде, волосам и вообще к молодежи прохожих так, как хотелось себя чувствовать. «Труба» делала жизнь проще и яснее, полагая ниже своего достоинства заводить разговоры о политике, зато регулярно выезжая в Питер, зная, что там ее приютят, и сама принимала и устраивала на ночлег «депутации» из «Сайгона», знаменитого кафе на Невском, охотно помогала гривенником, брала с собой на концерт «Рубиновой атаки» и теперь уже забытой группы со странным названием «Русско-турецкая война». И всем нам казалось, что так будет всегда.

Ничего не изменилось с тех пор. Те же голые кафельные стены «общественного» места, те же никелированные загородки, которые дружинники, борясь с «Трубой», не раз мазали дегтем, чтобы на них нельзя было сидеть, те же два милиционера, поглядывающие на меня, не бегущего торопливо мимо них. Только молодежи нет.

А что я ожидал увидеть!

В Будапеште никто мне не мог объяснить, почему «чевеши» назывались «чевеши», то есть, если переводить дословно, «трубники».

Будапешт — Москва

С. КОЗИЦКИЙ

БОКС В МОНАСТЫРЕ

Джэй БРЭНГАН,
американский журналист

Пхра Бунма 35 лет, он руководитель школы бокса «Сиамчай» («Победа Сиама») при монастыре в трех милях от Бангкока. Его боксеры выступают на лучших аренах страны, но сам он никогда не присутствует на матчах. Его ученики славятся техникой и силой удара, но сам Пхра Бунма ни разу не ступал на профессиональный ринг. «Муай тай», или тайский бокс,— не только удары кулаками в боксерских перчатках, это и работа ногами: пинки и жесткие удары по голове и телу противника. Пхра Бунма — монах, худощавый, с мягким голосом, всю свою жизнь он посвятил учению о ненасилии и поиску гармонии души.

Уже четырнадцать лет Пхра Бунма мирно руководит «Сиамчай» — единственной из таиландских школ бокса, которая находится при монастыре. Ее главная цель — уберечь непутевых подростков от преступного влияния улицы. «В бедных семьях у родителей просто не хватает на детей времени,— говорит Пхра Бунма.— Начав свою жизнь здесь, в монастыре, они могут и деньги посылать домой, и к тому же получают образование».

Тайскому боксу уже более 700 лет, это самый популярный вид спорта в Таиланде. Поединки короче, чем в профессиональном боксе: пять трехминутных раундов, и Пхра Бунма считает, что особой опасности для боксеров нет, так как удары распределяются по всему телу, а не концентрируются только на голове и торсе. Во всяком случае, добавляет он, «мы — тайцы, и бой у нас в крови».

Ринг для тренировок под открытым небом в монастыре Ват Лэнг. Девятилетний Сорачак Макда наносит быстрые удары коленом партнеру, который старше и выше ростом. Сорачак делает традиционный муайтайский шипящий выдох: «Ишш! Ишш!» Рядом три подростка пинают подвесные груши с песком.

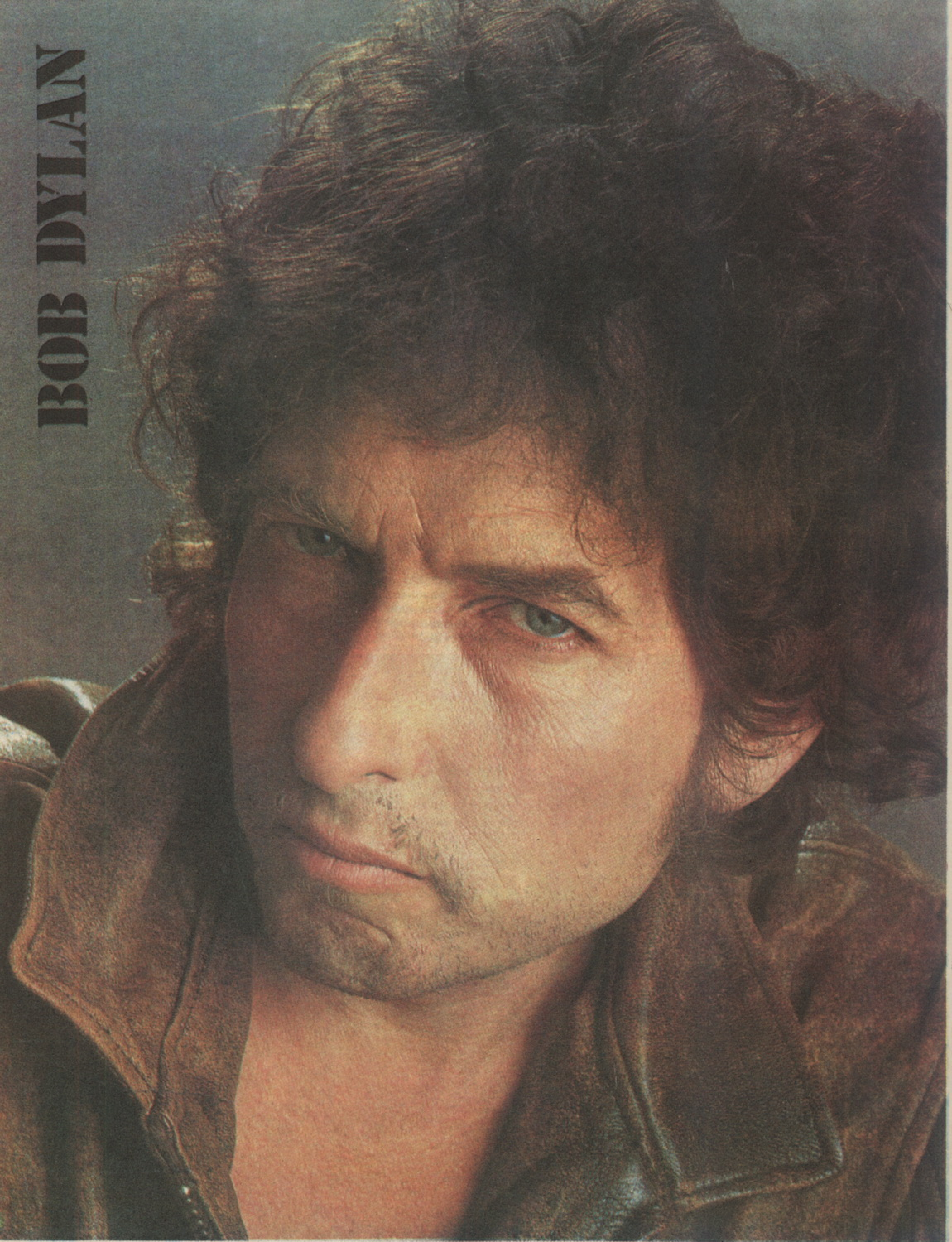
Программа воспитания учеников базируется на строгой дисциплине и нацелена на гармоничное физическое развитие. Каждый день на рассвете, когда Пхра Бунма и остальные 25 монахов Ват Лэнга отправляются в мир собирать подаяние, в этот час ученики (все не старше 22 лет) начинают свой день с жестким режимом тренировок. Один час разминки бегом, потом еще полчаса разминки со скакалкой, с подтягиванием и вольной борьбой. После завтрака все идут в школу. После обеда — трехчасовая тренировка, она беспощадна: отдых между раундами всего 30 секунд (на настоящем матче перерыв был бы в 2 минуты). «Спины наших боксеров никогда не касаются канатов»,— говорит Пхра Бунма.

Глядя на этого безмятежного человека, трудно поверить, что в юности он был хулиганом с четырехклассным образованием и уже считал себя неудачником. В 20 лет он нашел прибежище в Ват Лэнге. Но никак не забывались эти одержимые наркотиками, опустившиеся подростки из Бан-Паконга, соседнего фабричного городка в устье медленной и грязной реки. Однажды, 14 лет назад, он, неожиданно для себя, подошел к группе ребят, таких же, как когда-то он сам, и сказал: «Слушайте, а хотели бы вы научиться муай тай?»

Монах живет вместе со своими учениками в общежитии монастыря. «Без меня это было бы как семья, где нет родителей»,— говорит он. Все же надо признать, что руководить школой, соблюдая при этом все 227 правил поведения монахов, трудно. Эти правила, например, запрещают посещать состязания, и Пхра Бунме приходится смотреть выступления своих боксеров по телевизору. А так как иметь дело с деньгами тоже запрещено, из заработков своих учеников он выдает им ровно столько, сколько им нужно на карманные расходы. Остальное кладет в банк: «Иначе они бы все потратили».

Перевела с английского
Э. САДЫХОВА

BOB DYLAN

H

HARRISON, GEORGE. Джордж Харрисон. Род. 25 февраля 1943 г. в Ливерпуле, Великобритания. Гитарист, певец, композитор.

Дж. Х. получил всемирную известность как член группы «Битлз», хотя практически до самого распада группы находился в тени Леннона и Маккартни. Еще будучи в составе «Битлз», записал два сольных альб., представляющие интерес лишь как экспериментальные работы.

В конце 1969 г. Дж. Х. гастролировал вместе с исполнителями соул Делейни и Бонни, принимал участие в записи их пл.

Когда «Битлз» распались, Дж. Х. оказался последним, кто записал сольный альб., но из всех дебютов «битлов» эта работа первой была отмечена «золотом», а песня «My Sweet Lord» возглавила амер. и англ. хит-парады. (В конце 70-х было определенно доказано, что мелодика этой песни полностью совпадает с «He's So Fine», написанной в 60-е гг. группой «Chiffons» — суд признал Дж. Х. виновным в «непреднамеренном плагиате» и оштрафовал на полмиллиона долларов.)

В муз. карьере Дж. Х. большую роль играет его увлечение индийской культурой, начавшееся еще в середине 60-х гг. Фактически через Дж. Х. в Европе и позже в США появилась «Мода на Индию», а его тесные контакты с известнейшим индийским ситаристом Рави Шанкаром превратили эту «моду» в устойчивый элемент европ. культуры. (В 1972 г. Дж. Х. и Р. Шанкар организовали благотворительные концерты в поддержку голодающих Бангладеш — в выступлениях также участвовали Ринго Старр, Боб Дилан, Эрик Клэптон, Билли Престон, Леон Рассел.)

В 70-е гг. Дж. Х. записал ряд интересных пл., еще одна его композиция стала первой в США («Give Me Love (Give Me Peace on Earth)», 1973), он принимал участие в сольных проектах Ринго Старра, записывался с различными исполнителями. В 80-е гг. творческая активность Дж. Х. несколько снизилась, но альб. 1987 г. «Вершина блаженства» доказывает, что композиторский талант не покинул Дж. Х.

Пл.: Wonderwall, 1968 (к одноименному фильму); Electronic Sounds, 1969; All Things Must Pass, 1970 (3LP); Concert for Bangla Desh, 1972 (3LP — Live); Living in the Material World, 1973; Dark Horse, 1974; Extra Texture, 1975; 33 $^{1}/_{3}$, 1976; The Best of George Harrison, 1977 (сборник); George Harrison, 1976; All Those Years Ago, 1981 (сингл — с П. Маккартни и Р. Старром); Somewhere in England, 1981; Gone Troppo, 1982; Cloud Nine, 1987.

HARVEY, ALEX. Алекс Харви. 5 февраля 1935 г.— 4 февраля 1981 г. Англ. певец, гитарист, композитор.

После окончания школы А. Х. за год сменил около десяти мест работы и в конце концов приобрел профессию дрессировщика львов. В 1954 г. увлекся музыкой, играл в различных диксилендах. Спустя два года был признан лучшим исполнителем джаза в Глазго.

В 1959 г. сформировал группу «Alex Harvey Soul Band», которая гастролировала в районе Глазго, выступала с приезжающими американскими исполнителями, такими, как Джон Ли Хукер, Джин Винсент, Эдди Кокрэн. Вскоре группа перебралась в Гамбург, подписала контракт на запись пл. и вернулась в Англию только в 1963 г.

В середине 60-х А. Х. регулярно выступал в студенческих клубах и приобрел репутацию одного из самых серьезных исполнителей нетрадиционного ритм-энд-блюза. После распада группы А. Х. работает сольно, записывает с братом Лесли неплохой альб. «Блюз». Он организует несколько групп, но ни один из проектов не длится больше года.

В 1972 г. А. Х. собирает группу «Sensational Alex Harvey Band» (состав: Алекс Харви, гит., вок.; Зэл Клеминсон, гит., вок.; Крис Глен, бас; Тед Маккена, уд.; Хью Маккена, клав.). Удачное сочетание театрализованного сценического действия и яркого рока — с элементами глиттер-рока и немецких зонгов — принесло группе успех. Несмотря на сложность передачи красочных концертных выступлений на пл., группа дважды попадала в англ. хит-парад («Delilah», 1975 — 7-е место; «The Boston Tea Party», 1976 — 13-е место).

К 1977 г. группа пользовалась успехом и в США, но полученная А. Х. во время выступления травма позвоночника привела к тому, что он резко прервал свою концертную работу. 4 февраля 1981 г. А. Х. умер во время сердечного приступа.

Пл. (с группой «Alex Harvey Soul Band»): Alex Harvey and His Soul Band, 1964 (Live LP); Roman Wall Blues, 1969.

(С группой «Sensational Alex Harvey Band»): Framed, 1972; Next, 1973; The Impossible Dream, 1974; Tomorrow Belongs to Me, 1975; Live, 1975 (Live LP); Penthouse Tapes, 1975 (сборник ранних вещей); Stories, 1976 (сборник); Big Hits and Close Shaves, 1977 (сборник); Alex Harvey Presents the Lock Ness Monster, 1977 (Live LP); Rock Drill, 1978; Vambo Rools, 1978; Back in the Depot, 1979; Collectors Items, 1980 (сборник).

(А. Х. соло): The Blues, 1964 (с Лесли Харви); The Mafia Stole My Cuitar, 1979.

(«С. А. Х. б.» без А. Х.): Fourplay, 1977.

«HAWKWIND» («Хокуинд» — название одной из программ НАТО), группа образовалась в 1969 г. в Великобритании.

Исходный состав: Дэйв Брок, гит., клав., вок.; Хау Ллойд Лэнгтон, гит.; Терри Оллис, уд.; Ник Тернер, сакс., флейта, вок.; Джон Харрисон, бас; Дик Мик, электронные эффекты, клав.

Основали группу Брок и Тернер — вначале она называлась «Group X», потом «Hawkwind Zoo» и, наконец, «Х.». В 1969 г. музыканты подписали контракт с фирмой «Юнайтед артистс», и в 1970 г. вышел дебютный альб.

«Х.» сразу же стали много гастролировать, часто выступали с благотворительными концертами, уделяя большое внимание студийной работе. К 1972 г. стиль группы получил название «электронно-блюзовой психоделии» с элементами того, что сейчас называют «тяжелым металлом». «Х.» являются так называемой «альбомно-ориентированной группой», то есть в своем творчестве основную ставку делают на создание тематических альб., не стремясь к кратковременному успеху в хит-параде синглов. И тем не менее в 1972 г. «Х.» записали композицию «Silver Machine», которая заняла 3-е место в англ. таблицах популярности. Что же касается альб., то практически каждый попадал в «горячую десятку».

В 1973 г. «Х.» с успехом гастролируют в США, на концертах группы выступает балетный ансамбль, используются световые и пиротехнические эффекты. За 20 лет выступлений в составе «Х.» произошло более 40 изменений состава (в группе недолго играл известный бас-гитарист Иэн «Лемми» Килминстер, позже организовавший «Моторхэд»). «Х.» регулярно выступают на всех крупных рок-фестивалях, пишут музыку к кинофильмам и театральным постановкам, сотрудничают с различными исполнителями (в 1978 г. группа некоторое время выступала и записывалась под названием «Hawklords»).

В 80-е гг. манера «Х.» практически не изменилась — группа исполняет мощные психоделические блюзы с обилием электронных эффектов; усложнились тексты. Каждый музыкант, хоть некоторое время игравший в «Х.», проходит своего рода «школу высшего мастерства», что гарантирует муз. карьеру и уважение коллег.

Пл.: Hawkwind, 1970; In Search of Space, 1971; Doremi Fasol Latido, 1972; Glastonbury Fayre, 1972 (3LR — Live, с разными исполнителями); Space Ritual, Alive in Liverpool and London, 1973 (2LP — Live); Hall of the Mountain Grill, 1974; Warrior on the

РЭР вне очереди

Группа «W.A.S.P.» («Стопроцентный американец») занимает не последнее место среди представителей американского тяжелого рока. «W.A.S.P.» образовалась в 1983 году в следующем составе: Блеки Лоулес, бас, вокал, Рэнди Пайдер, гитара, Крис Холмс, гитара, и Тонни Ричардс, ударные. Первая пластинка «Хочу быть хоть кем-то» (1984) понравилась слушателям, но привела в гнев критиков: аранжировки и муз. темы показались им стандартными. Но следующий альбом «Последняя заповедь», выпущенный в 1985 году, заставил изменить мнение даже самых консервативных журналистов, а непрерывные гастроли принесли группе успех за пределами США.

Концерты «W.A.S.P.» — это прежде всего грандиозные шоу: необычные костюмы, летающие тарелки... с бифштексами, стилизованное средневековье в лучших традициях Элиса Купера.

В 1986 году в составе группы произошли значительные изменения, в результате которых Блеки переключился на гитару, а его место занял бас-гитарист из группы «Кинг кобра». Последние работы «W.A.S.P.», в том числе и концертный альбом 1987 г., получили высокую оценку рок-обозревателей, единогласно отмечающих юмор текстов и энергичность музыки. В числе последних приобретений группы — бас-гитарист Фрэнк Банали, игравший в «Куайет райет».

Edge of Time, **1975**; Road Hawks, **1976 (сборник)**; Astounding Sounds, Amazing Music, **1976**; Masters of the Universe, **1977 (сборник)**; Quark, Strangeness and Charm, **1977**; **25** Years On, **1978 (под названием** «Hawklords»**)**; Hawkwind — Rockfile, **1978 (сборник)**; PXR **5**, **1979**; Profile, **1980 (сборник)**; Live, **1979**, **1980** (Live LP); Levitation, **1980**; Repeat Performance, **1980 (сборник)**; Sonic Attack, **1981**; Friend and Relations, **1982**; Church of Hawkwind, **1982**; Chose Your Masques, **1982**; Zones, **1983**; Friend and Relations... Twice upon a Time, **1983**; Text of Festival Live **70/72**, **1983** (2LP — Live); The Earth Ritual Preview, **1984** (EP); Independent Days, **1984** (mini LP); Space Ritual 2, **1984** (Live LP); Friends and Relations, **1985**; The Chronicle of the Black Sword, **1985**; Live **70—73**, **1985** (2LP — Live); Out and Intake, **1986**; Live Chronicles, **1986 (концертный сборник)**; The Hawkwind Collection, **1986** (2LP — **сборник**); Official Picture Log Book, **1987 (комплект** LPs); The Xenon Code, **1988**; Travellers Aid Trust, **1989** (Live LP — **с разными исполнителями)**.

Состав 1989 г.: Дэйв Брок; Х. Л. Лэнгтон; Харви Бейнбридж, клав.; Алан Дейви, бас; Денни Томпсон, уд.

«HEART» **(«Харт»), группа «Сердце» образовалась в 1972 г. в США.**

Исходный состав: Энн Уилсон, вок., гит., флейта; Нэнси Уилсон, вок., гит., мандолина; Роджер Фишер, гит.; Ховард Лиз, клав., гит.; Майкл Дерозье, уд.; Стив Фоссен, бас.

Сестры Уилсон окончили музыкальный колледж, и на некоторое время их пути разошлись: Нэнси занялась фольклором, а Энн присоединилась к группе «The Army», **которую в 1963 г. организовали Фоссен и братья Роджер и Майк Фишер. В 1970 г. в группу пришла Нэнси, название изменилось на** «White Heart» **и в 1974 г. сократилось до «Х.». К этому времени Майк Фишер вышел из состава группы и стал ее звукооператором.**

Несмотря на двух вокалисток, группа стала играть в сугубо мужском стиле — хард-рок. После нескольких лет выступлений в Канаде «Х.» привлекли внимание местной фирмы грамзаписи, и в 1976 г. появился дебютный альб. группы, получивший широкие отклики в кан. прессе (два хита, входившие в пл.,— «Crazy on You», **35-е место, и** «Magic Man», **9-е место — принесли диску «платину» в США).**

Второй альб. «Маленькая королева» вновь стал «платиновым», этот диск записывался уже в США. Тем временем канадская фирма без ведома музыкантов выпустила неотмикшированную пл. «Журнал» — суд признал альб. «пиратским», некоторое время он не входил в официальную дискографию «Х.».

На пл. «Собака и бабочка» была сделана попытка смешать хард-рок и блюзовые баллады, результат оказался не вполне удачным, произошли изменения состава. После выпуска крайне неудачного концертного сборника (1980) «Х.» некоторое время не выступали, работали в студии и в 1982 г. записали прекрасный альб. «Private Audition», **в духе своих ранних работ. В конце 1982 г. группа выступала в Англии вместе с** «Queen», **в составе появился известный бас-гитарист Марк Эндиз, ранее выступавший с группой** «Jo Jo Gunne».

К середине 80-х гг. стиль «Х.» стал более лиричным, но не без присущей группе жесткости. Каждый новый альб., в том числе и сборники, неизменно становится «платиновым».

Пл.: Dreamboat Annie, **1976**; Little Queen, **1977**; Magazine, **1978 («пиратская» пл., позже перемикшированная)**; Dog and Butterfly, **1978**; Bebe le Strange, **1980**; Greatest Hits Live (2LP — **концертный сборник; в 1981 г. издан в Англии под названием** «Heart»); Private Audition, **1982**; Passion Works, **1983**; Heart, **1985**; Bad Animals, **1987**; With Love from Heart, **1988** (2LP — «Heart» + «Bad Animals»).

Изменения состава: 1980 — Дерозье, — Фоссен, + Марк Эндиз, бас, + Денни Кармасси, уд.

HEAVY METAL **(Хэви метал). «Тяжелый металл», или «тяжелые орудия»,— так переводится это словосочетание — одно из ответвлений хард-рока, получившее широкое распространение в начале 80-х гг.**

Так же как и в хард-роке, основы хэви метал были заложены такими исполнителями, как «Лед зеппелин», «Блэк сэббет», «Грэнд Фанк Рейлроуд», «Дип перпл», «Блю чиэр». Выделив из музыки этих групп исключительно мощные гитарные риффы, доведенные до виртуозности соло и «канонадные» ударные, группы «новой волны» английского тяжелого рока — такие, как «Тайгерз оф Пэн Тэнг», «Даймонд хэд», «Саксон» и «Айрон мэйден»,— лишь разработали инструментальную структуру стиля, позже получившую окончательное развитие в музыке представителей так называемого «спид»- и «трэш»-«металла».

До сих пор существует путаница в определении хард-рока и «тяжелого металла». Если в США хэви метал — это понятие, объединяющее и «металл», и хард-рок, то в Англии классификация очень близкая к нашей, хотя при сравнении, например, музыки «Металлики» и «Деф леппард» только первую группу — по английским стандартам — можно отнести к «металлу».

Элемент импровизации в истинном «металле» практически сведен к нулю, точнее — он отсутствует в традиционном смысле этого слова, однако опытные «металлические» группы («Металлика», «Слейер», «Мегадет») часто вводят в свои композиции очень сложные изменения ритма, и у неподготовленного слушателя может возникнуть ощущение какофонии, хотя речь идет о ритмической импровизации, по духу очень близкой той, которую исследуют серьезные современные композиторы.

Выражение «хэви метал» впервые появилось в романе известного американского писателя Уильяма Берроуза «Naked Lunch» **(1959), где он использует этот термин для описания резкой, непривычной музыки. Широкое распространение термин получил после песни амер. группы «Степпенвулф»** «Born to Be Wild» **(1968), в которой есть слова** «heavy metal thunder», **то есть «гром тяжелых орудий». В журналистский лексикон словосочетание ввел американский рок-обозреватель Лестер Бэнгз, работавший в журнале** «Creem».

«HELLOWEEN» **(«Хеллоуин»), группа «Канун дня всех святых» образовалась в 1983 г. в ФРГ.**

Исходный состав: Кай Хансен, вок., гит.; Михаэль Уэйкэт (наст. имя Михаэль Штурмхофф), гит.; Маркус Гросскопф, бас; Инго Швихтенберг, уд.

Популярность «Х.» на родине с момента выпуска дебютного мини-альбома (1985) была стабильной, но международный успех пришел не сразу, ему предшествовала напряженная студийная и концертная работа. Переломным в этом отношении стал 1987 г., когда в составе «Х.» появился вокалист Михаэль Киске, хотя и Хансен по итогам 1986 г. входил в десятку лучших певцов ФРГ. С участием Киске был записан альб. «Хранитель семи ключей. Часть I», благодаря которому группу заметили в Англии и США. Этот альб. достиг высокого места в национальном хит-параде и до сих пор фигурирует в «горячей сотне» ФРГ. Год завершился совместными гастролями с группой «Оверкилл», выступлением на популярном международном фестивале «Металмания», ежегодно проводимом в Польше. Пиком стали новогодние концерты «Х.» в легендарном лондонском «Одеоне».

Летом 1988 г. «Х.» выступили на англ. фестивале «тяжелого рока» «Монстры рока», где группа играла в одной «обойме» с «Айрон мэйден», «Кисс», Дэвидом Ли Ротом, «Мегадет». «Х.» и амер. группа «Ганз энд роузиз» стали открытием фестиваля.

В музыке «Х.» заметно влияние классических произведений, некоторые обозреватели называют стиль группы «вагнеровским металлом». Творческий потенциал «Х.» дает все основания для самых оптимистических прогнозов.

Пл.: Helloween, **1985** (mini LP); Walls of Jericho, **1985**; Judas, **1986** (EP); Keeper of the Seven Keys Part I, **1987**; Dr. Stein, **1988** (EP); Keeper of the Seven Keys Part **2**, **1988**; Live in the UK, **1989** (Live LP).

Изменения состава: 1987 + Михаэль Киске, вок.; 1989 — Хансен, + Роланд Грапов, гит.

ДИ СНАЙДЕР

КУРС ВЫЖИВАНИЯ для подростков

Я не такой, как все. Но какой же я!

Это годы сплошных поисков: ты ищешь развлечений, разыскиваешь хоть какой-нибудь номер журналов «Плейбой» или «Плейгерл» (его надо, конечно же, прятать под матрацем), ты каждый день в нетерпении разглядываешь себя в зеркале — может, уже выросли волосы на «том самом» месте? Но более всего ты жаждешь найти самого себя, понять, что ты такое.

Порой люди доживают до ста десяти лет, так и не узнав, какие они на самом деле, а ты хочешь ответить на этот сложнейший вопрос в свой шестнадцатый день рождения? Твое «я» состоит из массы черт: расовая, половая, этническая и религиозная принадлежность, жизненный опыт, который начал приобретать еще в школе, даже место рождения. Если б я родился в сельском Арканзасе, а не в «среднеклассовом» пригороде Нью-Йорка, сегодня я был бы «Одиноким Ди Снайдером», исполняющим душераздирающие баллады о своем тракторе в стиле кантри-энд-вестерн.

В общем-то, жизнь была бы куда проще, если б ты мог ввести все эти исходные данные в компьютер и получить детальную распечатку «Это — я». И даже точное знание того, что думают о тебе окружающие, вряд ли поможет — наш взгляд на себя зачастую весьма отличается от того, как нас видят другие.

Продолжение. Начало см. в № 7 за 1989 г.

Порой мы так несчастны потому, что большинство склонно судить о нас по лежащим на поверхности, чисто внешним признакам. То есть по внешности. Вот взгляните на мое лицо. Когда я был подростком, оно причиняло мне массу проблем, потому что я... как бы выразиться поточнее?.. был весьма уродливым подростком. (Не подслащивай пилюлю, друг, скажи им всю правду!) В раннем детстве я был довольно симпатичным (а разве все мы не симпатичны детьми?), и вдруг взросление в компании с половым созреванием начало проделывать со мной довольно злобные трюки. Постепенно я понял, что, по общепризнанным стандартам, вовсе даже и не красив. Это хорошо заметно, когда играешь в «бутылочку»: если горлышко указывает на тебя, девочка морщится, словно ее заставляют поцеловать лягушку. Но мне потребовалось довольно много времени, чтобы наконец-то признаться в этом самому себе.

Я часами разглядывал себя в зеркале, надеясь узреть нагловатого пижона, а не хиляка, над которым издеваются одноклассники. Я крутил башкой туда-сюда, пытаясь придать себе вид плотоядный или самодовольный. «Гм (слегка откинув голову)... Черт, я отлично смотрюсь, они этого просто не замечают. А вот под таким углом (отчаянно

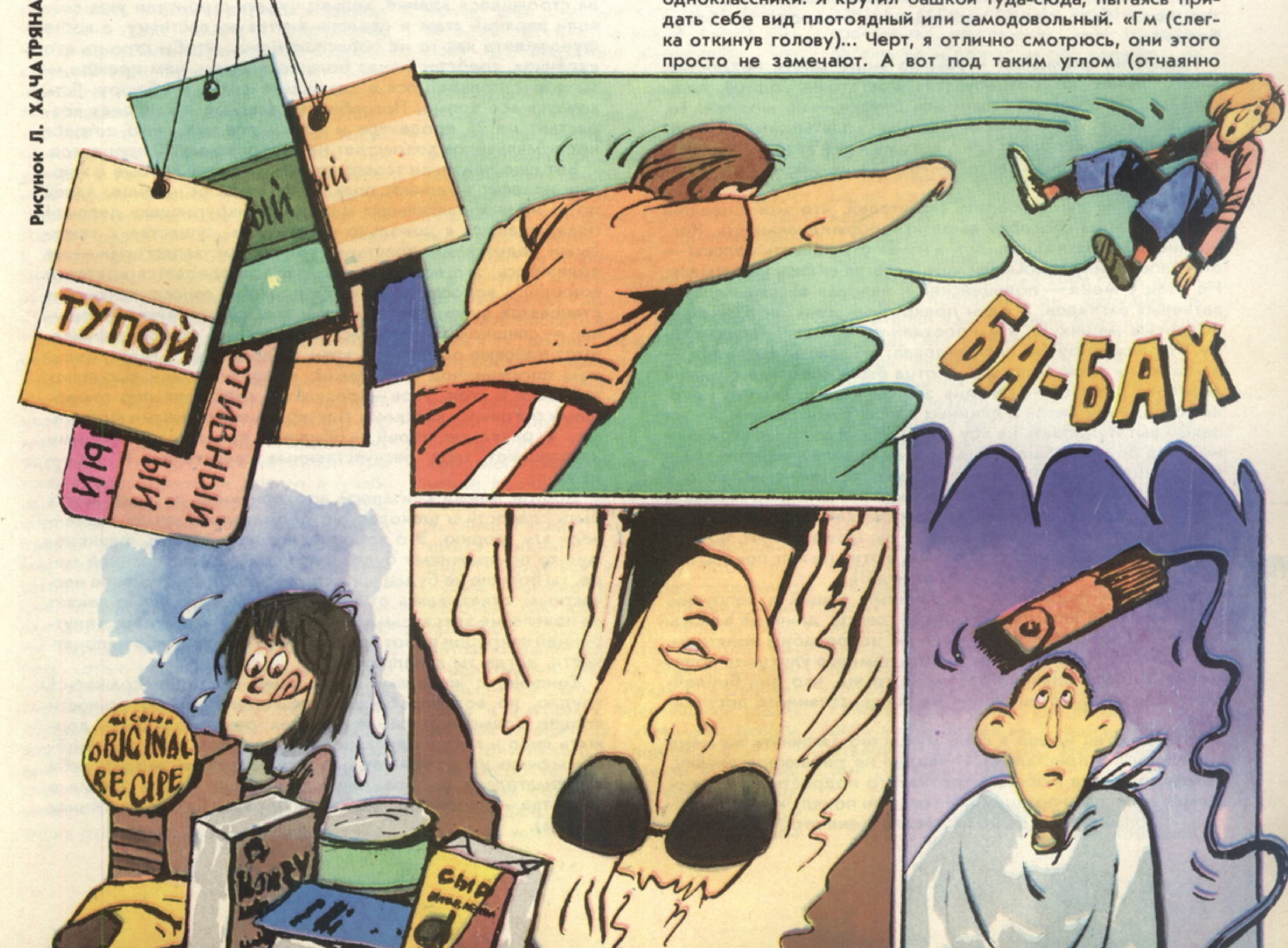

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

вывернув шею) я выгляжу как... как Роберт Плант!»

Это, конечно, трудный путь, но в конце концов я смирился с мыслью, что все эти гримасы и ужимки перед зеркалом — всего лишь гримасы и ужимки. А поскольку я не мог постоянно ходить с вывернутой шеей — не думайте, что не пытался,— я выглядел именно так, как выглядел. Убежден, что все мои наряды, грим, выкрашенные волосы — то, что составляет сценический облик солиста «Твистед систер»,— на самом деле попытка сделаться привлекательным пусть и в извращенном, «перевернутом» виде.

Внешний вид — что за чертовски поверхностный повод для суждения о человеке! Но, к сожалению, это та часть натуры, о которой мы не думаем, пока нам не приходится из-за нее страдать. При этом по внешнему виду о людях не только судят — из-за внешнего вида мы попадаем в определенную систему стереотипов. Высокий мальчик непременно должен хорошо играть в баскетбол, а коренастый крепыш непременно должен стать хорошим футболистом. Для девушек ограничения еще жестче: если ты стройненькая и у тебя хорошенькая мордашка, ты, конечно же, станешь популярной, в то время как девушки менее привлекательные даже и не пытаются добиться любви. Помню, что в третьем классе узнал хотел играть в школьном оркестре на трубе. Но из-за того, что я был слишком длинным и тощим, мне достался тромбон. Длинный тощий мальчишка — ему и длинный тощий инструмент.

Это ужасно глупый подход, потому что внешний вид не имеет ничего общего с твоим внутренним содержанием — в конце концов, лицо и фигура достаются от родителей. Ко всему прочему, лет до пятнадцати-шестнадцати именно родители покупают тебе одежку и тащат к парикмахеру (как раз тогда, когда волосы наконец-то обретают нужную длину). Очень важно, чтобы ты сумел убедить родителей, если не доверить тебе самому покупать вещи, то пусть хотя бы берут тебя с собой в магазин. А то стоит им предоставить самостоятельность, и результат может быть самым неожиданным — вроде тех белых ботинок.

Родители, внимание: чтобы по моде одеть подростка, много денег не потребуется. Достаточно одной пары джинсов. И одной рубашки или блузки — но модной. То, что кажется вам «очаровательным платьицем», может стать причиной горьких слез, потому что в этой самой школе никто — вы понимаете? — НИКТО не носит рюшечки-оборочки.

Я так и не смог убедить родителей, что мой внешний вид — один из способов выразить индивидуальность. Когда мне было пятнадцать лет, я начал отращивать волосы — они наполовину закрывали уши и слегка вились на затылке. Но отец у меня — полицейский и человек весьма консервативных взглядов. В один прекрасный день он приказал: «Садись в машину!», и мы поехали к местному парикмахеру. Парикмахеру он скомандовал: «Сделать вот так!» — и указал на свою макушку. У отца была короткая стрижка военного образца — сегодня это выглядело бы что надо, но тогда, в эру хиппи и длинных волос, я мог с таким же успехом вытатуировать на лбу «КРЕТИН». И вот он я, стриженный под бокс, а пошла лишь вторая неделя учебного года. Обструкция была полнейшей. Даже те немногие, кого я считал друзьями, смеялись и обзывали меня «стручком» и «лысым». Соседи роптали, собаки рычали, цены на дома в нашем квартале поползли вниз — ну, может, и нет, но мне так казалось. Я заливался слезами, а отец не мог понять, почему («Да он вообще у нас слюнтяй!»).

«Я урод,— твердил я.— Я длинный, тощий и лопоухий. Меня никто не любит». По правде говоря, длинные волосы проблемы все равно бы не решили, но, по моим понятиям, это был единственный способ хоть немного улучшить положение. Волосы значили для меня то же, что для библейского Самсона, а отец лишил меня единственного достоинства.

И тогда отец нашел в себе мужество взглянуть на меня со стороны, и пристально. И увидел не ребенка, сынишку, которого всегда любил, а противного подростка с ломающимся голосом и прыщами. И тогда он понял, что он натворил. И больше никогда не заставлял меня стричься. И я не стригся. Но тогда в борьбу против меня вступили иные, более грозные силы.

Сюрпризы Матери-природы

В фильме «Муха» есть такая сцена: ученый, случайно «скрестивший» себя с мухой, вглядывается в зеркало, изучая тот кошмар, в который он превратился. Он растопыривает лапы, скалит зубы, разглядывает странные наросты на лице — лице человека-мухи. Тело теперь совершенно ему неподвластно, оно вышло из-под контроля.

Я понимаю его ощущения.

Став подростком, ты приступаешь к ежеутренним мучениям у зеркала. Какой еще подарочек преподнесла тебе Мать-природа сегодня? Тело и лицо, к которым ты уже притерпелся, вдруг начинают изменяться с чудовищной скоростью. Порой ты уверен, что Мать-природа — настоящая садистка, потому что иначе она бы не влепила тебе на лоб этот прыщ, его же видно за сто километров, это же вообще не прыщ, это рог растет! Только этого еще не хватало! Причем прыщ вылезает непременно в тот день, когда у тебя назначено свидание, или когда тебе надо зачитывать перед всем классом доклад, или, что удачнее всего, когда должен прийти фотограф, чтобы сделать годовую фотографию класса. А потом ты приходишь домой и обнаруживаешь очередной, здоровый и красный. Господи милостивый! Да сколько ж еще это может продолжаться!

Итак, тела начинают развиваться (у девочек это происходит где-то между девятью и двенадцатью годами, самый бурный период — около двенадцати; у мальчиков — между одиннадцатью и четырнадцатью, пиковое время — лет в четырнадцать). И, к сожалению, развитие это происходит как бы рывками. Да ты это и сам заметил, не так ли? Ты становишься все выше, но в весе зачастую не прибавляешь, шея, руки, ноги непропорционально длинные, такое впечатление, что они лезут из тела, как молодые ростки. Ты похож на строящееся здание, только чудаки-строители уже возвели верхний этаж и сделали винтовую лестницу, а вот о фундаменте как-то не побеспокоились. Чтобы строить это «здание», требуется куда больше энергии, чем прежде,— ты вдруг превратился в страшного соню и обжору. Есть хочется все время. Потребность девочек в калориях возрастает на 25 процентов и потом спадает, зато потребность мальчиков возрастает на невероятные 90 процентов.

Вот еще признаки твоего развития: более грубые и жирные волосы; начинают появляться волоски на лице; запах пота; из очаровательных маленьких «кругляшек» девочки превращаются в довольно неуклюжие существа, с тяжелыми лодыжками, толстыми коленками, запястьями — не волнуйтесь, это всего лишь перераспределяется «детский жирок»; в волосах появляется перхоть; голоса мальчиков становятся ниже, при этом они все время «пускают петуха» — слишком быстро растут голосовые связки; развиваются половые органы (об этом ты прочтешь в главе, целиком посвященной этой теме); на физиономии высыпают прыщики и угри. Угри — результат закупорки пор отмершими роговыми клетками, бактериями и жирными кислотами, а результат угрей — обидные прозвища, которыми награждают тебя бесчувственные сверстники. И это — друзья?

Долгое время считалось, что причиной прыщей могут быть сладости и шоколад, но дерматологи вроде развенчали эту теорию. Это хорошая новость. То есть физиономия-то по-прежнему будет бугристой, но, по крайней мере, ты больше не будешь чувствовать себя совершенно несчастным, отказываясь от конфет. Но вот что точно влияет на появление этих весьма неприятных штучек: железы внутренней секреции работают активнее, когда у тебя неприятности, когда ты в напряжении.

Конечно, с железами внутренней секреции сражаться трудно, но вот борьба с результатами их деятельности вполне возможна; самая простая рекомендация — держать лицо и тело в идеальной чистоте. Ну а если эти проблемы очень уж донимают, попроси родителей сводить тебя к дерматологу, он, возможно, предпишет более сильные средства — например, высокооктановый бензин и спичку (шутка).

И, совершенно естественно, этот период доставляет тебе массу беспокойств. Особенно волнуются мальчики — они чувствуют себя какими-то «недоразвитыми», потому что девочки в возрасте от двенадцати до четырнадцати обычно выше своих сверстников, а от десяти до четырнадцати они еще и тяжелее. С другой стороны, высокие девочки переживают из-за того, что растут слишком быстро и в конце концов станут такими длинными, что им придется жить в шахте для ракет где-нибудь на Среднем Западе.

Хорошая новость: в гонке за физическим развитием все участники финишируют приблизительно в одно и то же время — 98 процентов девочек достигают своего «взрослого» роста где-то лет в шестнадцать, мальчики — лет в восемнадцать.

Плохая новость: нос растет всю жизнь. Это я точно знаю.

Одержимость красотой

Наше общество любит красивых людей, но сколькие из них действительно естественно красивы? ОЧЕНЬ немногие. Люди, которых мы считаем красивыми, часто выглядят так лишь потому, что они искусно загримированы или их снимал классный фотограф. Однако, нравится или нет, на нас все же оказывает влияние то, что люди считают красивым.

Наше общество перегибает по части совершенно нереалистичных стандартов красоты — мы подвергаемся настоящей бомбардировке через газеты, журналы, телевизионную рекламу. Девушки просто истерзаны принятыми в обществе идеями по поводу хорошей фигуры. Куклы вроде популярной грудастой Барби предлагают такие физические идеалы, которых просто невозможно достичь по двум естественным причинам: сила земного притяжения и реальность.

Что касается мужской красоты, то общественное мнение относится к ней несколько либеральнее: так, стопятидесятикилограммовый Уильям «Рефрижератор» Перри из футбольной команды «Чикагские медведи» был назван журналом «Плейгерл» одним из десяти самых привлекательных мужчин Америки (в то же время женщину по кличке «Холодильный шкаф» попросили бы не высовывать носа из дома или депортировали в русскую олимпийскую команду).

Некоторые молодые женщины довели свой страх полноты до психического расстройства. Специалисты считают, что сейчас каждая пятая женщина от двадцати до тридцати лет страдает расстройствами на почве питания, чаще всего анорексией, то есть буквально «самоистощением». Обычно анорексики — это те женщины, которые стремятся во всем достичь совершенства, для них отказ от еды — способ добиться над своим телом такого же контроля, как и над всеми остальными аспектами жизни. Такие женщины постоянно недовольны собой и самозабвенно отказываются от еды. Анорексики могут даже умереть от истощения или от вызванных им болезней (кстати, мужчин-анорексиков мало, это типично женская проблема).

Почти половина всех анорексиков время от времени страдает от булимии, то есть «волчьего голода». Такой человек объедается, а затем намеренно вызывает рвоту или принимает тонны слабительных. От булимии умерла певица Карин Карпентер, булимией страдали и другие знаменитости, такие, как актриса Джейн Фонда или Черри Бун, дочь, как вы уже догадались, незабываемого Пэта. Они во всеуслышанье рассказали о том, как им удалось справиться с болезнью.

И анорексия, и булимия вполне излечимы, в некоторых случаях, правда, требуется госпитализация. Необходимо и наблюдение психотерапевта: зачастую анорексия и булимия — лишь физические проявления расстройств психики. Страдающие такими заболеваниями люди не просто жертвы тех высоких требований, которые общество предъявляет к стройности фигуры,— это несчастливые люди, которые не любят самих себя.

Это справедливо и по отношению к тем, кто страдает от избыточного веса. Корень зла тот же, но пути к избавлению — иные. Одной диетой здесь не поможешь, сначала следует разобраться в причинах, которые заставляют переедать. Вот типичные случаи:

Ты ешь и тогда, когда не чувствуешь голода.

Ешь в положенные часы и «перехватываешь» тайком в промежутках.

Переедаешь, когда расстроен, обеспокоен, счастлив, сердит.

Лупишь за обе щеки, чтобы продемонстрировать свое «вот вам!» тем, кто подшучивает над твоим излишним весом.

Твой вес превышает норму на десять и более килограммов.

Однако все подростки, прежде чем садиться на диету, обязательно должны проконсультироваться с врачом, чтобы выработать свой, индивидуальный план. Самая разумная и безопасная диета — сократить обычный дневной рацион на 500 калорий. Избегай «голодных» диет, для подростков они очень вредны: ты же еще растешь, и для роста тебе требуется питание. Любую диету надо сопровождать физическими упражнениями — они помогают сбрасывать вес и наращивать мускулатуру. И ни в коем случае не прибегай к разным «таблеткам для похудания», даже если они свободно продаются в аптеках — в твоем возрасте они могут привести к самым неожиданным побочным последствиям.

Каждому овощу свой срок

Как часто юноши, выглядевшие вполне ординарно, становились очень привлекательными мужчинами — возьмем, например, Билла Уаймана из «Роллинг стоунз»: в свои пятьдесят он выглядит куда интереснее, чем в двадцать пять. А многие заурядные, ничем не привлекательные девушки с годами, став зрелыми женщинами, приобретают необыкновенную грациозность и становятся по-настоящему красивыми.

Некоторым людям, чтобы приспособиться к своим лицам и телам, требуются годы. Я убежден, что я один из них и к пятидесяти стану настоящим красавцем! С другой стороны, некоторые весьма привлекательные двенадцатилетние с годами напрочь утрачивают свою привлекательность. Привлекательность — вообще весьма относительное и переменчивое качество. Особенно это заметно во время встреч выпускников. Сердцеед с роскошной гривой — неужели это вон тот толстый лысый дядечка? А самая хорошенькая девушка в классе — да, теперь уже никто не оборачивается, когда она проходит мимо.

Я знаю, что ты собираешься сказать: «Ну хорошо, а сейчас-то мне что делать?» Если это хоть как-то улучшит твое отношение к себе, постарайся посмотреть на себя попристальней, разыщи привлекательные черты и извлекай из них все возможное. Если ты вынужден носить очки — постарайся подобрать более подходящую оправу или носи контактные линзы. Если у тебя здоровенный нос — учти, по этой части у меня есть опыт — сделай такую прическу, чтобы она скрадывала эту самую выдающуюся черту твоего лица. Если у тебя красивые глаза — постарайся подчеркнуть именно глаза. Если ты слабак, с жиденькими бицепсами и пухлым животом,— уж потрудись, поднакачайся. Когда я понял, что из меня не получится любимец юных дев, я решил смириться с тем, как выгляжу. Я был тощим. Итак, как мне лучше распорядиться этим своим преимуществом? Я начал заниматься бодибилдингом, занимаюсь и по сей день. Когда я понял, что мои вьющиеся волосы ни фенами, ни щетками не распрямить, я позволил им виться, как они того хотели. Правда, я их немного обесцвечиваю.

С годами внешний вид станет занимать тебя все меньше и меньше. Конечно, всегда будут существовать те, кто смотрит на людей как на предмет потребления, они будут стремиться завести себе «племенного жеребца» или «роскошную штучку», лишь бы продемонстрировать другим свои приобретения. Просто некоторые люди так никогда и не становятся взрослыми, и годы не делают их умнее. Как это случилось, например, со мной. (Снова шучу.)

Твой внешний вид — это всего лишь упаковка. Если ты хочешь ее улучшить, что ж, отлично, старайся. Но, по прав-

де говоря, судить о тебе станут не по голубым глазкам или роскошным бицепсам. Между прочим, хороший человек всегда вызывает симпатии, независимо от того, красив он или нет; существует масса людей, которые становятся невероятно привлекательными, стоит им открыть рот. Разве Вуди Аллен [1] по «нормальным» стандартам «красив»? Вовсе нет. Но ум, чувство юмора, талант сделали его объектом обожания тысяч женщин. Талант — вот что их привлекает. Доброта. Надежность. Хочешь верь, хочешь не верь, но, когда я был юношей, женщины совершенно не обращали на меня внимание. Зато теперь... Слава сделала меня внешне привлекательным, «даже интересным». Лицо, которое когда-то было моим проклятьем, стало достоинством, что свидетельствует о том, в каком странном мире мы живем.

Ты уж извини, но мерзкое нутро никакой косметикой не скроешь. Если ты привлекателен, благодари бога, но не вздумай обманывать себя, не дай тебе господь поверить, будто ценой смазливой морды можно купить жизнь. Я верю, что каждый может стать привлекательным. Нет ничего, что невозможно было бы преодолеть. Работай, работай над упаковкой, если это поможет поверить в себя. Но не забывай и о самом продукте.

Все. Считаю работу закупочной комиссии оконченной.

Ярлыки и ценники

Гнусным типом я был не всегда. По правде говоря, лет до десяти я был весьма популярным в классе, к тому же хорошо учился. Но потом родители переехали из квартала Фрипорт в квартал Болдуин. И путь длиною в три мили, как оказалось, вел к катастрофе.

В первый же день в новой Шубертовской начальной школе я заявился на площадку для игр в весьма боевом настроении и тут же ввязался в драку с самым сильным парнем (то, что он знаменитый драчун, мне было неизвестно). И на глазах всей школы он поднял меня в воздух и с размаху влепил меня в кирпичную стену. Ба-бах!

Смертный приговор был вынесен единогласно. Я стал изгоем. Если б я его побил, тогда другое дело, тогда я сразу же стал бы самым клевым чуваком во всей школе. Как говорил комик Чарли Паркер: «Если я поймал мяч — я герой. Если я не поймал мяч — я козел». Я стал козлом. На мои рога привесили бирку. И все потому, что поначалу не разобрался в расстановке сил на площадке.

На второй день в этой школе я познакомился с потрясающей девчонкой, на которую еще в детском саду привесили ярлык «белая вошь». У нее не было друзей, она часто плакала, и вообще мне ее было очень жалко. Лет в двенадцать она начала расцветать и превращаться в прелестную юную леди. Но для всех она по-прежнему была «белая вошь» (кстати, кто-нибудь когда-нибудь видел эту чертову белую вошь?).

Из «Шуберта» мы перешли в среднюю школу, в которой собирались ребята из нескольких начальных школ, и для новых мальчиков она отнюдь не была «белой вошью» — для них она была «штучкой». Всего за несколько недель из самой нелюбимой девочки класса она стала самой популярной девчонкой школы, и парни из «Шуберта» кляли себя последними словами.

Люди поддаются стереотипам с пугающей легкостью. Ну-ка, на кого из вас был навешен ярлык «тупица» — и, признайтесь, вы ведь приняли его? Вы нарочно ведете себя по-дурацки, наслаждаетесь вниманием класса, когда даете глупый ответ, потому что в конце концов хотя бы этот ярлык является отличительной чертой вашей личности. Что касается меня, то на меня в классе был навешен ярлык клоуна, и я изо всех сил старался подтвердить репутацию. А каким еще образом совершенно не спортивный мальчишка, которого в начальной школе величали не иначе как хиляком и занудой — даже несмотря на то, что с годами его тело окрепло и развилось,— мог удовлетворить (или опровергнуть) ожидания окружающих? Ты постоянно твердишь себе, что ты ни на что не годен, и, когда мяч летит прямо на правый край (а на правом краю, естественно, собираются все хиляки, потому что никто никогда не бросает мяч на правый край), ты замахиваешься битой — и получаешь мячом прямо по башке. Запомни: в любом виде деятельности, при выполнении любого задания, если ты уверен, что провалишься, ты непременно провалишься — и получишь от этого даже некоторое удовольствие.

Сложившиеся репутации опасны и для популярных среди сверстников ребят. Привлекательная девушка, спортивный парень, которых принимают только за эти качества, могут не чувствовать потребности развивать другие, гораздо более важные, и в каком же дурацком положении они окажутся, когда новые знакомые посмотрят на них новыми глазами и увидят глупое, совершенно неинтересное существо?

Навешиванье ярлыков происходит не только в школе, оно продолжается всю жизнь, но, став взрослым, ты приобретаешь возможность избегать таких ситуаций. Ребенком же ты вынужден общаться с определенным кругом других детей, с которыми у тебя может не быть ничего общего. На Дэниела Снайдера был навешен ярлык «долбак» — или «дятел» — и я был им на протяжении всех моих дней в Болдуинской средней школе, хотя в конце концов стал довольно спортивным, хорошо учился и пел ведущие партии в школьном хоре. Другие ребята тоже получали ярлыки и тянулись к подобным себе, образуя маленькие клики, как в каждой школе. В Болдуинской средней школе были интеллектуалы. Чудики, объединенные рок-н-роллом и наркотиками. «Качки». Грязные типы. «Качки» не водились с интеллектуалами, те, в свою очередь, не якшались с грязными типами, кои и близко не подойдут к чудикам. А как насчет «долбаков» и «дятлов»? Забудь об этом. Никто не приближается к ним даже на расстояние плевка, хотя некоторые умеют плеваться довольно далеко.

Вот вам пример, насколько сильными могут быть стаи. Мой лучший друг Дон принадлежал к чудикам, потому что он носил длинные волосы и был музыкантом, но, помимо этого, он был очень умен и красив. (Что должно бы составлять основу успеха.) Как-то мы гуляли с ним по школьному вестибюлю, и навстречу все время попадалась девочка из группы «знаменитостей». Какими взглядами они обменивались! Я называю такой взгляд «десятифутовым» — они притягивали друг друга глазами, как на канатах. Они поворачивались вслед друг другу. Напряжение было таким сильным, что казалось, они вот-вот рванут друг другу в объятия и начнут заниматься этим прямо посреди зала. Но она шла по своей траектории, Дон по своей.

Я был потрясен. «Ну почему ты не назначишь ей свидание? — спросил я.— Она же без ума от тебя, дурак».

Он ответил: «А она никогда со мной не пойдет. Как бы я ей ни нравился. Это невозможно». И он был прав. Они даже не могли пересечь этот вестибюль, чтобы поболтать друг с другом! До чего же смешно...

Присоединившись к стае, ты — но лишь на время — как бы получаешь «удостоверение личности»: теперь всем остальным понятно, чего от тебя можно ждать. Чтобы влиться в стаю, ты принимаешь ее стиль одежды, манеры, взгляды. «Присоединившись», ты обретаешь и определенную степень безопасности, окружающие теперь точно знают, как тебя воспринимать, потому что на тебя распространяются общегрупповые признаки.

Я отчаянно стремился «присоединиться», потому что тогда я еще не понимал, кто и (или) что я есть на самом деле. Мне очень хотелось, чтобы меня куда-нибудь приняли, потому что тогда мнение других значило для меня куда больше, чем мое собственное. Я был кочевником (звучит романтично, не так ли?), блуждал от стаи к стае, одно время крутился возле грязных типов, пока не обнаружил, что мне совсем не нравится толкаться или выбивать без всякой причины книги у кого-то из рук. Первый удар.

Несмотря на то, что я начал делать успехи в спорте, мне не нравилось водиться и с «качками», потому что, прости господи, я считал, что есть в жизни более интересные вещи, чем футбольное поле. Второй удар.

[1] *Известный актер, режиссер и писатель. В нашей стране шел фильм «Подставной», где он снимался в главной роли. Недавно по нашим экранам прошел фильм по его сценарию и в его постановке «Пурпурная роза Каира».— Прим. ред.*

Ближе всего я подошел к чудикам, к хиппи. Это была единственная группа, членом которой дозволялись хоть какие-то странности, но даже там меня блокировали, потому что я был «поддельным хиппи», а уж в этом они разбирались.

Третий удар.

Как же все это изменить!

Возможно, один из самых серьезных страхов, преследующих молодого человека,— страх того, что все навечно. Тебе четырнадцать, и ты никому не нравишься? Следовательно, умрешь в восемьдесят четыре и за всю жизнь у тебя так и не будет ни одного друга. Тебе пятнадцать, и тебя еще никто не приглашал на свидания? Следовательно, так в девицах и просидишь. На щеке выскочил прыщ? Дай ему имя, познакомься с ним поближе, потому что он останется с тобой НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Понять, что все это чепуха, пока твой взгляд на мир ограничен выкрашенными в тоскливую зеленую краску школьными стенами и лампами дневного света, трудно. Ты вглядываешься вперед, в тот день, когда ты наконец-то закончишь школу, но тот день так далек, будто смотришь на него в перевернутый бинокль. Кажется, что ты до него не доживешь. Спокойно: не доживешь! (Шутка.) Да доживешь ты! И все переменится. И ты изменишься, хочешь ты этого или нет.

Говорят, старую собаку невозможно научить новым трюкам. Я не согласен. Все зависит от того, насколько старый пес хочет учиться. Ты действительно хочешь улучшить свою жизнь? Сесть! Перевернуться! Хоро-о-оший пес...

Я не говорю, что это легко — изменить себя, потому что для того, чтобы это сработало, надо быть абсолютно честным перед самим собой, а процесс самоэкзамена — болезненная штука. Когда я понял, что у меня есть хорошие стороны, я познал и свои недостатки. Увидел, что я интроверт, который боится отвечать на уроке, потому что не любит привлекать к себе внимание; увидел всю фальшь попыток приспособиться к сверстникам. Мне это не понравилось, и все время, пока я учился в средних классах, я старался переделать себя. Поначалу этого никто не замечал, но я-то знал свою истинную цену (в то время что-то около тридцати семи центов). И знал, что она растет.

Я получил обнадеживающие сигналы, когда наш хор выступал в другой школе — девочки там явно обратили на меня внимание. Они-то не знали, что в Болдуинской средней школе я слыл «козлом» — у них не было предвзятого на меня взгляда. И как непредвзято они на меня смотрели!

И хотя твои шансы на изменения пока еще ограничены, они все же есть. Нужно только схватить этот шанс. У тебя он тоже есть, может, не сегодня, но непременно появится вскоре. Самое важное — помнить, что только ты сам можешь точно оценить себя. И если ты недоволен результатами оценки, только ты сам можешь что-то изменить. Если ты решишь, что слишком толстый, только ты сам можешь сесть на диету, и уже одно это решение прибавит тебе уверенности в себе. Может пройти несколько месяцев, пока ты наконец не сбросишь лишние килограммы, но ты-то уже знаешь, что перестал быть увальнем!

Иногда полезно совершать чисто символические перемены, только чтобы напомнить себе, что прогресс существует. Например, начни водиться с новой компанией. Обрей голову наголо. Найди подработку. Купи что-нибудь. Сделай что-нибудь радикальное: оставь позади старое «я». И заставь себя почувствовать, что ты живешь.

Моя собственная символическая перемена заключалась в том, что я сменил имя Дэниел на Ди. Это была моя декларация всему миру и самому себе, что Дэнни-зануда умер, встречайте Ди. Фамилия Снайдер, впрочем, мне всегда нравилась, ее я менять не собирался. Я хотел быть язвительным и злобным («снайд» — англ. «язвительный, злобный».— *Пер.*), поэтому считал, что фамилия как нельзя лучше подходит к моей личности — злобный, более злобный, самый злобный (степени сравнения в англ.— «снайд, снайдер, снайдест».— *Пер.*). Между прочим, моя музыкальная компания так и называется — «Снайдест мюзик».

Ты робок! Изволь измениться

Робость преодолеть трудно, потому что она, словно вечный двигатель, питает себя самое. Вот кто-нибудь подходит, говорит «Привет», и ты холодеешь от ужаса: ты не силен в беседах, потому что ТЫ РОБОК. Ты даже не можешь толком составить фразу, все слова лезут куда-то не туда. Ты так напряжен, что, пытаясь улыбнуться, выдаешь лишь жуткую гримасу. Иногда люди принимают твою робость за самомнение и холодность: «Она (он) ни с кем не разговаривает. Она (он) — сноб».

Тебя терзает мысль: а нравишься ли ты людям? Но если ты сам себе не нравишься, почему тебя должны любить окружающие? Теперь давай продолжим это логическое построение: если ты научишься любить себя, так почему же другие не будут тебя любить? А даже если ты им и не очень-то нравишься, кого это волнует? Это их проблемы, не твои. Когда я решил «набирать очки», я заставлял себя быть самоуверенным, даже нахальным, по правде говоря. Но все равно чувствовал себя очень неуютно.

Тогда я попробовал пойти другим путем. Если до того я старался избегать компаний, позволяя робости становиться на пути к людям, событиям и приключениям, то теперь я нарочно начал всюду ходить, буквально загонял себя в разные ситуации. Это был вызов самому себе, и он сработал. Я всегда боялся заговаривать с девушками. А тут как только я видел существо противоположного пола, которое казалось мне интересным — а, по правде говоря, мне нравились все, кто носил юбку,— я на всех парах мчался вперед и затевал разговор до того, как успеть испугаться. И — потрясающе! — иногда это срабатывало. Вместо того, чтобы позволить ситуации завладеть мной, я сам захватывал ситуацию.

Ты твердишь себе, что боишься сделать решительный шаг? Не давай себе времени подумать. Ну, в конце концов, как может обернуться дело? В худшем случае объект внимания рявкнет: «Отвали!» Многие так и поступали — но ведь срабатывает же закон средних чисел! Вот так я и узнал, что когда прекрасная незнакомка посылает тебя к черту — это вовсе не смертельный удар.

У тебя нет друзей! Изволь измениться

Когда ты еще маленький, на то, чтобы завести друзей, большого труда не требуется. Друзья просто заводятся, сами. Многие друзья живут по соседству, вы вместе играете в мяч и лепите пирожки из песка. Когда охота поиграть в перетягивание каната, ты просто зовешь Нейла из соседнего дома. Когда приспичит поиграть в «Кен и Барби идут в панк-рок-клуб, где Кен нападает на хозяина и тот несколько меняет Кеновы черты лица», ты просто берешь свою куклу Барби и идешь к Бетси, у которой есть кукла Кен. А летом лучшим другом всех детей квартала становится тот мальчишка или девчонка, у кого есть во дворе бассейн. Очень просто.

Теперь поддерживать дружбу стало труднее, дружба требует преданности, доверия, общих интересов и ценностей. Теперь уж друзья «сами не заводятся», к тому же они как бы делятся по различным видам твоей деятельности. Бен обожает рок-музыку и терпеть не может спорта, поэтому в пятницу вечером вы вдвоем отправляетесь на концерт в «Мегадоум», но зато назавтра ты идешь играть в футбол с Кирком, который вообще ничего в музыке не смыслит.

Ты вдруг видишь, что меняешься и растешь не только ты, но и твои друзья, и взросление может развести вас в стороны. Но всегда можно найти новых друзей, а некоторые старые друзья — особые друзья — останутся с тобой, как бы ни складывалась жизнь.

Перевел с английского Н. КАРЛИН

Продолжение следует

В следующем номере: «Как заводить друзей», «Любовь и подросток», «Эротические фантазии», «Гомосексуализм» и многое другое.

ЕСЛИ НИЧЕГО НЕ СОРВЕТСЯ, поскольку в этом проекте занято значительное число фирм, в сентябре у программы «Что! Где! Когда!» появится серьезный конкурент: телевизионная версия популярной сейчас в мире «домашней» игры «Тривиал персьют». Раз в месяц, в субботу — и так в течение года — вы будете свидетелями состязаний знатоков... самых что ни на есть общеизвестных фактов. Не думайте, что это так просто: в Англии, например (а такие состязания проходят также во Франции, Голландии и вот-вот будут проводиться в Италии, Испании, Португалии, Бельгии и ФРГ), соревнуются команды членов палаты лордов и журналистов. По замыслу устроителей, участниками «Тривиал персьют» в СССР будут семьи... в полном составе. В паузах зрители увидят видеоклипы Мадонны, Роберта Палмера и других.

Как сообщил представитель фирмы «Си-Эл-Кей», одного из организаторов нового проекта, вскоре в СССР должен появиться в продаже и настольный вариант игры.

НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО В № 3 ЗА ЭТОТ ГОД мы, казалось нам, рассказали «все-все про Арнольда Шварценеггера», просьбы рассказать «все-все про Арнольда Шварценеггера» продолжают поступать. Недавно Шварценеггер снялся в кинокомедии канадского режиссера Айвена Рейтмена «Близнецы», где «близнецом» великолепного Арнольда был великолепный американский комедийный актер Дэнни Де Вито. Как уверяют критики, именно Де Вито спасает фильм: комедийности в нем хватает минут на двадцать, пока выясняется, что герои Де Вито и Шварценеггера — потерявшиеся в детстве братья. Затем становится ясна мораль: «Вот что делает с людьми жизнь!», и хотя подобный ход довольно любопытен, увы, смешного на целый фильм не хватает. Впрочем, Шварценеггер в этом ну никак не виноват...

ЭТИМ СИМВОЛИЧЕСКИМ СНИМКОМ — шедевр живописи, после аукциона «уплывающий» в Японию — английский журнал «Обзервер» проиллюстрировал свое расследование о положении дел в крупнейших музеях и галереях Великобритании. Как пишет журнал, мнение правительственных кругов, считающих, что для финансирования музеев необходимо распродать значительную часть того, что находится в запасниках,— неверно. Такая распродажа положения не спасает, и нет никакой гарантии, что чиновникам не придет в голову мысль о продаже и основных фондов...

36% 36% 59% 9% 27%

ПРОЩАЙ, ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК! Оказывается, половина итальянских школьников оставляют учебу, не добравшись до аттестата зрелости, к тому же у 40 процентов учащихся наблюдаются различные нервные расстройства. Врачи забили тревогу: насколько неизбежны все «детские муки»! Выяснилось, что если присмотреться к организму ребенка, многих осложнений можно избежать. В любом классе и при самом чудесном учителе бывают моменты, когда силы оставляют школьников, и бывают часы, когда, напротив, все удается. Между 6 и 11 годами, к примеру, большинство детей еще сохраняет потребность в дневном сне, а так как спать не удается, ребенок бывает возбужден, угрюм, агрессивен или плаксив. Диаграмма показывает, что утром и сразу после полудня бессмысленно требовать от ребят усиленного внимания, что, например, в 9.00 и 15 часов организм шестилетних борется с любой информацией, зато в 10—11 часов следует давать им как можно больше знаний...

Еще одно наблюдение: в первую неделю каникул у большинства детей наблюдаются агрессивность, расстройства сна, заболеваемость. Вывод: каникулы не должны быть меньше двух недель.

СТАРАЯ ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ ГЛАСИТ: «Сколько раз ни повторяй слово «халва», во рту слаще не станет». Новая западная мудрость гласит: «Даже если у тебя неприятности — держи улыбку. Какими бы трудными ни были времена, улыбайтесь друг другу — времена станут легче». (Кстати, неулыбчивых продавцов и девушек, выдающих справки, просто увольняют — вот она, проклятая безработица!) И самые модные в этом сезоне майки — «улыбчивые».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! В № 4 за этот год мы объявили КОНКУРС, предложив читателям угадать, какую подпись поставили под этим рисунком молодые англичане, актеры Квакерского молодежного театра. Конкурс был с подвохом, поскольку подпись английские ребята дали для вас на русском языке. Первыми правильно угадали русский вариант — «СОТРУДНИЧЕСТВО ЛУЧШЕ КОНФЛИКТА» — военнослужащий, курсант Д. Морозов, и наш читатель из Киева А. Зюнькин, мы поздравляем их с наградой — подпиской на «Ровесник» на 1990 год.

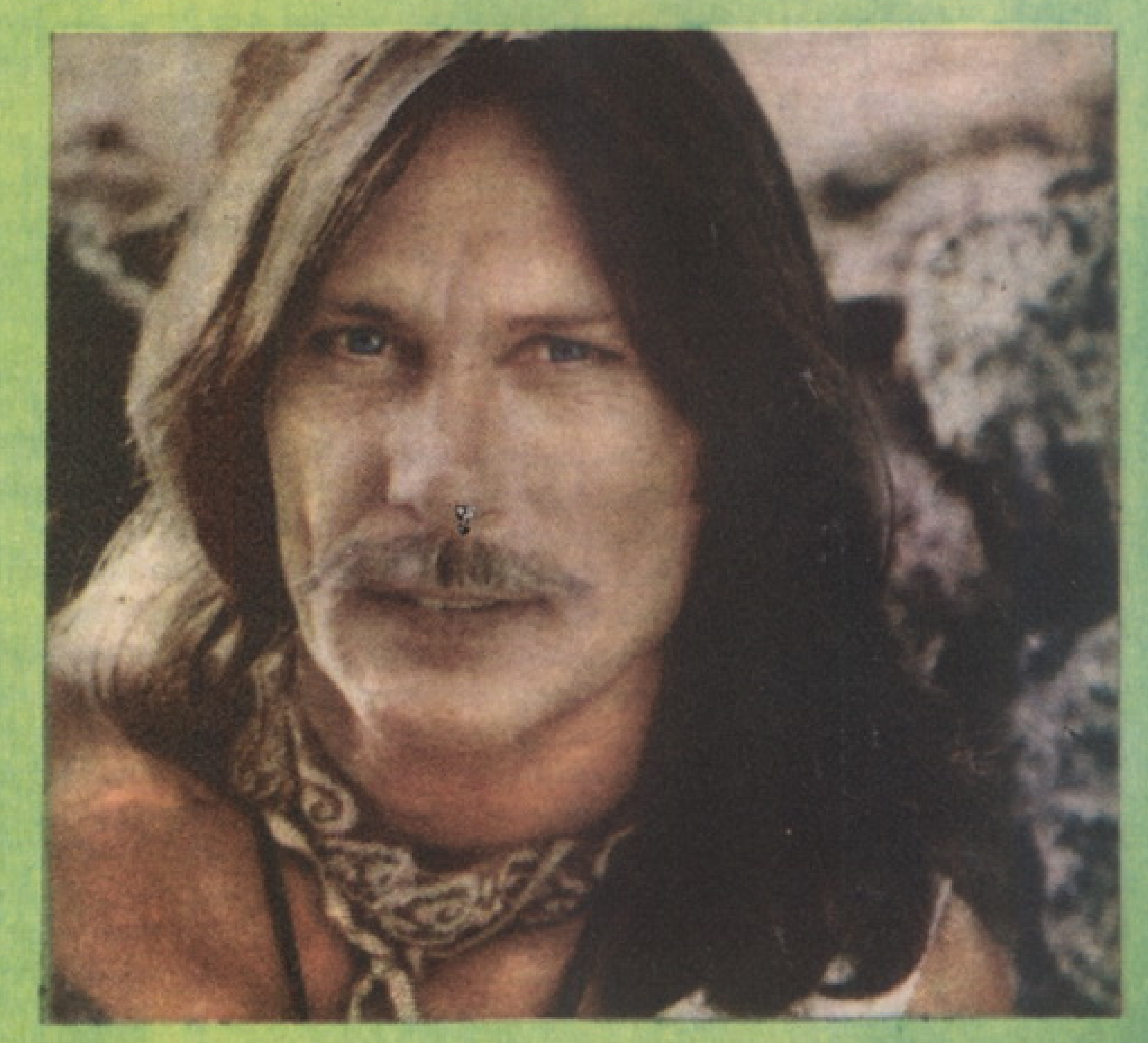
Всего же мы получили более трехсот писем и были приятно удивлены тем, что в двадцати из них был дан правильный ответ, но только на... английском языке — «Co-operation is better than conflict». Однако награду мы все же решили присудить Алине Новожиловой из Таллинна. Вот отрывок из ее письма: «Конечно, очень заманчиво было бы получить подписку, но мы всей семьей решили, что честность превыше всего, поэтому посылаю вам открытку». К письму была приложена изданная в Великобритании открытка с рисунком и подписью...

ВЫ СПРАШИВАЛИ

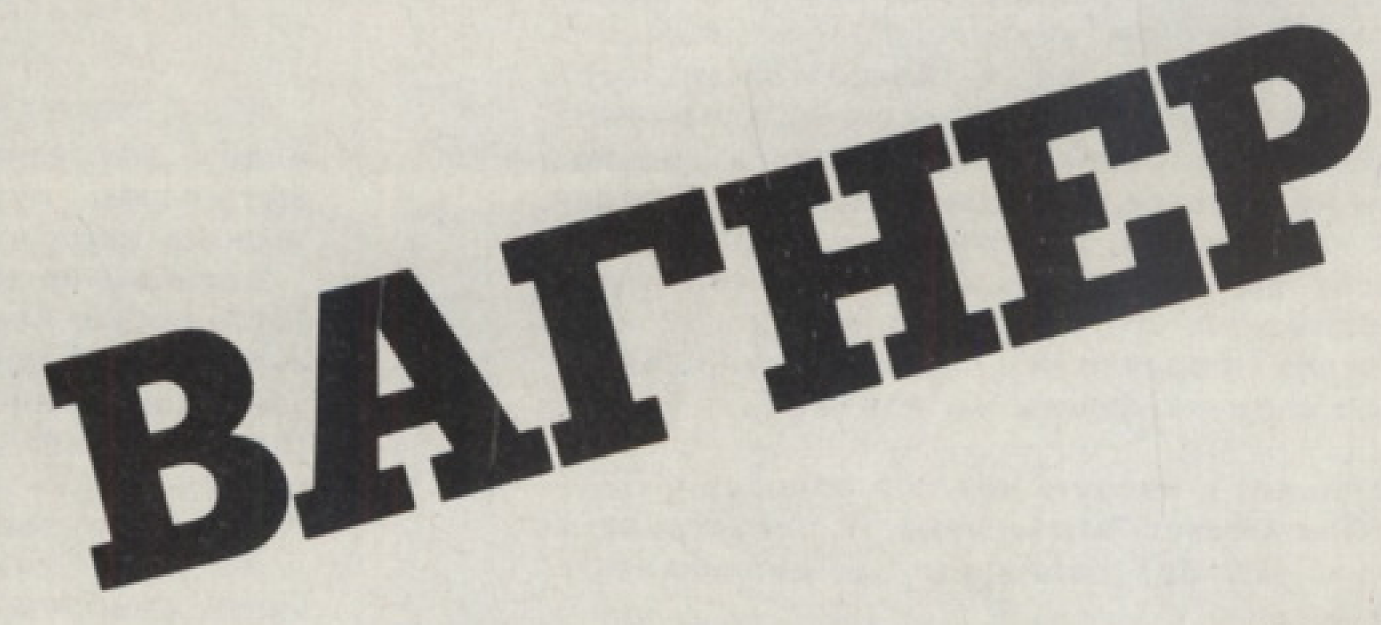
КОГДА ФРАНК ДЮВАЛЬ сочиняет новую песню о любви, рядом непременно находится одна и та же молчаливая слушательница: кукла-манекен. Тут же возвышается искусственная пальма, видимо, тревожа воспоминанием о море, о солнце...

Поклонники Франка превозносят его «сентиментально-захватывающие песни», противники столь же пылко ругают: «кич», «назойливая дребедень»! Сам Франк Дюваль говорит: «Я — за сентиментальность». Однако большинство фильмов, к которым Дюваль пишет музыку (а как композитор он известен не менее, чем певец),— детективы. Это сериалы «Деррик» (некоторые серии были показаны по ЦТ) и «Старик». А в фильме «Лицом к лицу» он сам исполнил собственные композиции, которые затем пробились в хит-парады.

Новая работа сорокавосьмилетнего Дюваля — музыка к телефильму «Наши лучшие годы», меланхолической любовной истории.

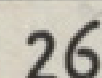

Юрий ПОКАЛЬЧУК

Как меня зовут на самом деле? Освалдо Сезарио да Силва. А Вагнер — прозвище. Так меня все здесь называют. Не знаю почему. Уже давно называют, и я привык. А что это вы так смешно говорите? Переведите мне на нормальный португальский язык, что он говорит. А чего он хочет, этот гринго? Журналист? А из какой газеты? Не знаю такой. Из какой страны? О, из СССР... А я думал, из Швейцарии. Почему? Да так просто. У меня были очень хорошие друзья в Швейцарии. Даже часы мне подарили, и вообще швейцарцы кажутся мне очень симпатичными. Конечно, всякие бывают. Ха-ха-ха, как он чудно говорит! Это по-испански? А что, он не может выучить нормальный язык? Раз уж приехал в Бразилию? Вот мои приятели из Швейцарии разговаривали на отличном португальском. Сколько были здесь? Около года. А этот две недели? Так пусть остается. Уже едет? Тю-у-у-у, ну и пусть себе едет. На что он тут нужен. А это что такое? Книжечка про ту страну? Это там такие люди живут? Все белые? А темнокожие? А негров нету? Мулатов, как я, нету? Да мне все равно, просто интересно, а так — что мне до этого. Ну, я пошел, мне работать надо! Купите вот лучше у меня цветы!

Официанты все из штата Сеара, так что мне, пернамбуканцу, от них помощи не дождаться, был бы я из Сеара... Вот Раймундо вроде бы и неплохо ко мне относится, бывает, даже поесть подкинет что-нибудь из недоеденного клиентами, а вот как-то разорвалась у меня бечевка, которой были связаны букетики роз, ну, поскольку людей в баре было мало, я и положил цветы на один из крайних столиков и стал искать веревочку, чтобы перевязать. А тут выскакивает Раймундо и — вон отсюда, это не место для твоих цветов, катись вон на ту лавку, там и возись со своим барахлишком. Ну, я убрался оттуда, ну, обиделся! Ну что ему — жаль этого места или я украду что-то с пустого столика? А еще они на меня с тех пор злятся из-за одного клиента. А что я мог сделать, когда Шино тут король. Такой себе парень, вроде бы и никто, живет под библиотекой, шатается по улице Рио Бранко вместе с этим негром, они и живут вместе, вроде и продают здесь что-то, во всяком случае негр продает, а Шино рядом. Но мы же все знаем, что Шино профессиональный вор, чистит клиентов по первое число. В бар его, правда, не пускают, хотя многие столики бара стоят прямо на улице под навесом, но Шино обходит эти столики, словно они окружены огненным кольцом. Просто все тут его знают как облупленного, и уже есть договоренность — в баре не трожь! На улице — это его дело, а в баре — нет! Да стоит глянуть на одного только Паоло — под два метра ростом, он тут в баре вышибалой, а точнее, вроде охранника. Его дело — порядок в баре.

А тогда так случилось: Шино завербовал Луиса картавого, того, что ботинки чистит. Ему всего одиннадцать, сирота, живет здесь на улице, спит у кинотеатра, у него где-то там одеяло припрятано, а уж где он взял эти свои причиндалы для чистки обуви, не знаю, только вижу его с тех пор, как сам здесь ошиваюсь в Кинолandии.

Взялся Луис чистить ботинки одному клиенту в баре, чистит и мне сигналит глазами, а я вижу, у этого верзилы, которому он чистит, портмоне из заднего кармана брюк торчит. А сам здоровый такой, что задница по обе стороны с кресла свисает, ну, куль сала. Я понял Луиса, да и цену знаю,— поделится, треть моя,— никогда не отваживался на такое, а тут пошел. И давай задуривать клиенту голову — купите цветы.

Приставал как мог, лишь бы отвлечь внимание. Старался, как никогда. Верно слишком уж, потому и звучало фальшиво, или кто-то сбоку все увидал, словом, Раймундо шибанул Луиса по лбу как раз в тот момент, когда малец одной рукой чистил ботинок, а другой тащил из заднего кармана портмоне. А на другой день Раймундо вдруг сытно накормил меня — кто-то из клиентов почти не ел заказанного. Такое с каждым случается — кто знает, что у него тогда было на душе.

Привет, сеньор! Купите цветы! Фотографируете? Пожалуйста! Еще раз? А почему бы и нет! Как мне сесть? Серьезным не бываю? Не знаю, не помню, может, и нет! А один фотограф тут как-то на площади напротив городского театра снимал какую-то компанию, все такие солидные, а он говорит: «Нужна улыбка, надо всем какое-нибудь слово сказать, чтобы губы расползлись в улыбку. Вот, например, все фотографы предлагают: скажите «виски», а я вам скажу кое-что получше!» Все спрашивают, что, а он уже приготовил камеру и такое отмочил...— и все как захохочут, а он — щелк! — и снял. Ха-ха-ха...

Привет, сеньор, хотите снова цветы купить? А что вы там записываете? Это у вас такой маленький магнитофон? Вы еще не научились говорить нормально, как все люди? Уже получше понимаю, но все равно смешно. Даже дети говорят лучше.

А почему вы именно меня все время о чем-нибудь спрашиваете? Тут много продавцов с цветами слоняется. Нравлюсь? Ха-ха-ха! С чего бы это? Купите мне кока-колу и бутерброд! В воскресенье я не работаю, днем сплю, а под вечер иду в кино. Давайте встретимся! Я буду в другом костюме и с часами! Кто научил затыкать цветок за

ухо? Жизнь научила. Чтоб люди видели, чтоб замечали — так скорее купят. Ха-ха-ха, ну я пошел торговать, некогда мне болтать с вами, надо работать, спасибо за бутерброд и коку, чао! До воскресенья!

Мне показалась смешной ее долговязая фигура, очки, платье, висевшее на ней не поймешь как, сразу ясно — европейка, туристка, ищет экзотики, на все таращит глаза и восклицает «о-о-о!!!», но может дать на чай пару долларов, а порой и побольше. Я уже знал это и потому, едва заприметив ее вдалеке, помчался наперегонки с другими продавцами цветов, и только она села в баре, в этом самом, в Вермелиньо-Амарилиньо, я уже был тут как тут — купите цветочек, сеньора! — она сняла очки, большие темные стекла на пол-лица, и я вдруг увидел, что она красивая, что у нее такая улыбка, ну просто детская, и довольно приличный, по крайней мере, понятный португальский язык...

Ты смотрела на меня долго, изучающе, я смутился, но продолжал болтать, ты купила цветок, потом еще один, потом пригласила меня пообедать с тобой, пока не придет твоя подруга. Подруга пришла через полчаса, и я вдруг разозлился, что она пришла так скоро, но что было делать...

Потом она приходила снова, и снова, и снова. И всякий раз покупала у меня цветы, я уже ждал ее. Она приехала на два года в университет в Рио писать какую-то научную работу. Живет в Швейцарии, не замужем, приехала одна, но здесь в университете было еще несколько швейцарцев.

Как я стал торговать? Надоумила меня соседка, дона Лана, ее сын несколько лет вот так продавал цветы, я сперва пошел с ним, потом сообразил, что к чему, язык у меня всегда был хорошо подвешен, а в такой торговле главное — уговорить клиента, чтобы купил, я уговаривал, у меня покупали, так я стал продавцом цветов, продавцом роз,— нас так и называют «розеро», «розоторговцы». Ну, все шло хорошо, мне было здесь интересно, даже весело, потому что она появлялась почти каждый вечер, а когда ее не было, я ждал до ночи, и настроение у меня портилось, если она не появлялась, а раз ее не было три дня, и я думал — что-то случилось, но вот наконец она пришла поздно и одна, где-то около полуночи. Для меня-то это еще не поздно, моя торговля всегда до четырех утра, пока не закроется бар, потом неторопливо домой, а уж спать около шести только...

Тогда ты была в грустном настроении, какая-то сама не своя, я почему-то подумал, что ты, сидя на своем обычном месте, ищешь глазами именно меня, и подошел, а ты улыбнулась как-то радостно и пригласила поужинать, заказала мне пиццу и кока-колу, а сама не ела, только смотрела на меня, я что-то рассказывал, нес какую-то чушь, ничего уже не помню, только вдруг ты сказала, что хочешь купить все мои розы, потому что тебе завтра нужны цветы, много цветов, и ты попросила меня отнести их к тебе в номер.

Она поставила цветы в большую белую вазу, которая уже стояла на столе, словно заранее приготовленная, а потом стала угощать чаем с какими-то пирожными, я таких сроду не пробовал. Я не спешил, моя торговля уже закончилась, у меня было свободное время, я... догадывался, но... знал же, что по сравнению с нею я мальчишка, она — леди, сеньора, а я уличный мальчишка, мулат...

Ей захотелось посмотреть на мою руку — какая мне суждена судьба, говорила что-то о моем характере, о долгой жизни и о большой любви, я ощущал ее теплую ладонь под своей, да вдруг поцеловал ей руку и засмеялся от смущения, а она обняла меня, привлекла к себе, и тогда я обнял ее, глядя в глаза, поцеловал так, как целуют женщин мужчины.

Я жил необычайной, таинственной, чудесной жизнью. Несколько первых недель меня просто шатало от счастья, но надо было продавать цветы, и я старался как мог, потому что знал, после двенадцати или часа я пойду на улицу Силвейра Мартинс, войду в гостиницу, в комнату номер три на первом этаже, и там меня ждет ужин и любовь, я буду героем, мужчиной.

Она много рассказывала о Швейцарии, о Бразилии, о Рио, о книгах, о себе, обо мне. Потом наши встречи стали редкими, у нее появилось в Рио много знакомых, она разъясняла мне это, я вроде понимал, но обижался, нервничал. Я хотел, чтоб она принадлежала мне, только мне. А раз она появилась в нашем баре в компании нескольких своих знакомых, и один светловолосый бородатый толстяк ухаживал за ней, обнимал ее, даже поцеловал, я был готов тут же убить его, я мучился, видя, как он обнимает ее, имеет право быть с ней на равных, ходить с нею, говорить на ее языке.

С того вечера мы не виделись три дня, наконец она пришла и позвала меня к себе, я сперва наговорил ей кучу всяких глупостей, а потом ошалел от страсти... Она сказала, что едет на каникулы в Швейцарию на два месяца, а потом вернется на год в Рио. Я не мог поверить, это был удар, какого я не ожидал, особенно теперь.

Но пришел день, и я помог ей с багажом, поехал с нею в аэропорт, где и стоял вместе с другими ее друзьями, среди толпы высоких швейцарцев и каких-то других гринго, я стоял, едва сдерживаясь, чтоб не зареветь.

Мы отошли в сторону поговорить, целовались, там я с ней попрощался, и она ушла к своим друзьям. Она прощалась с ними, а я стоял и смотрел на нее издалека...

Привет, сеньор! Вы снова здесь? Нет, я возвращаюсь из кино, сегодня у меня выходной день, я же говорил вам! Нет, я проспал, выбрался в кино к семи часам. А здесь был полседьмого. В пять? Нет, мы договаривались в шесть. Ну да ладно! Когда уедете? Уже так скоро? Приедете через полгода. Э, знаете, ничего определенного в жизни нет. У меня вот были друзья из Швейцарии, я вам говорил, ну была одна знакомая девушка, леди, она тоже говорила, что приедет через два месяца. Я ждал ее два месяца, а потом еще два, вот уже год и три месяца жду...

Всякое может случиться, особенно то, чего никак не ждешь! Я вот думал, еду в Рио на два месяца, ну на три! А вот кручусь тут уже третий год! Так повернулась жизнь. Живу в Рио, продаю цветы, просто живу.

Перевел с украинского
Вл. РОССЕЛЬС

Вглядитесь в эти лица... Дженис Джоплин — она еще на сцене, еще звучит ее хрипловатый голос, ее еще не убили наркотики... Джо Кокер, молодой, тощий (говорят, в те дни ему удалось своим мощным рыком отогнать дождь, правда всего на пять минут, но тоже дело). И еще — Джими Хендрикс, Джоан Баэз, «The Who», Кросби, Стилз, Нэш и Янг, «Криденс клиэруотер ривайвл»: да всех перечислишь ли, тех, кто сменяли друг друга на сцене все три дня в августе шестьдесят девятого?

Вглядитесь в лица людей, сидевших на траве под дождем и солнцем, в молодые, счастливые лица «детей цветов», окрещенных потом «народом Вудстока»... На карте США несколько Вудстоков, но тот Вудсток, в пригороде Нью-Йорка, отмечен разве что на самой подробной. В том Вудстоке жил фермер, предоставивший свой участок для рок-фестиваля.

Почему вдруг в мире отмечается этот странный юбилей — юбилей всего лишь музыкального фестиваля? И почему молодые, еще не родившиеся тогда, спрашивают сегодня о том времени и тех людях, что были на сцене и — нераздельные с теми, кто был на сцене — сидели на траве под дождем и солнцем?

ВУДСТОК

То было время мечты — о мире, любви и музыке. Тогда казалось, что будущее — прекрасно, и достичь его просто: достаточно любить всех и вся, и доказательство тому — свободная любовь; достаточно совершить «революцию цветов» (образ тех лет: девушка засовывает в дуло нацеленной на нее винтовки гвоздику), и войны не будет, просто надо отказаться на нее идти, на ту войну во Вьетнаме. Будем петь прекрасные песни — и больше никогда не будет ненависти между людьми. Давайте откажемся от собственности, и собственничество никогда больше не загонит нас в угол. Да, и не забыть еще одну важную вещь — если каждый будет стремиться расширить границы своего «я», тогда все человечество сольется во братстве... Какое прекрасное было лето. Лето Любви. Наивное лето.

Потом все сломалось. Оказалось, что гвоздиками нельзя победить винтовку; что песнями о любви нельзя победить чью-то ненависть; а свободная любовь, «свободный секс» — вот чем он обернулся, «чумой XX века», СПИДом. Оказалось, что «расширение своего «я» с помощью наркотиков ведет к гибели, и наркотики убили потом великих музыкантов Вудстока — Дженис Джоплин и Джими Хендрикса... Оказалось, что собственность может схватить за горло, заставить быть прагматиками. Оказалось, что великий миг единения в прекрасной музыке — всего лишь миг. «Что они сделали с моей песней?» — пела участница Вудстока Мелани.

И все же осталась мечта, и потому вспоминают, вспоминают те шестидесятые годы. Что-то они все же изменили в мире, и потому все чаще обращают свой взор к шестидесятым и прислушиваются к их музыке те, кто тогда только появился на свет,— сегодня снова возникает надежда...

Н. РУДНИЦКАЯ

METALLICA

С. КАСТАЛЬСКИЙ

После концертов музыканты «Металлики» всегда раздают автографы, неважно, во сколько закончился концерт, неважно, сколько желающих получить размашистые подписи — сто, пятьсот или две тысячи — «Металлика» еще ни разу не была высокомерной. Иногда эта работа затягивается на всю ночь.

«Я прекрасно помню, как после концертов ждал у служебного входа своих кумиров,— вспоминает Джеймс Хетфилд, вокалист, ритм-гитарист и лидер «Металлики»,— мне тогда было лет четырнадцать, самый идиотский возраст, когда влюбляешься в смазливых певичек и боготворишь разных недоумков. Звезды спускались по ступеням, холодные и равнодушные, они даже не глядели на дрожащих в счастливом ожидании подростков и исчезали в сверкающих лимузинах. Мальчишки протягивали им вслед купленные на последние деньги пластинки, а эти паршивые знаменитости не обращали никакого внимания на маленьких человечков. Я скрипел зубами и думал: «Как же я вас ненавижу, подонки!» А дома срывал со стены их постеры, где они такие добрые, приветливые, и рвал бумагу в клочья. Разве после этого я могу пройти мимо мальчишек с горящими глазами? Это значило бы, что я плюну в самого себя...»

Во второй половине восьмидесятых мейнстрим — основное течение современного рока — оформилось довольно четко: ирландцы «Ю-2», олицетворяющие «культивированную «новую волну», американцы Брюс Спрингстин и «Бон Джови», творчество которых вобрало в себя множество музыкальных стилей предыдущих десятилетий — от рокабилли до глиттер-рока и «металла». Для того чтобы занять место в этом престижном треугольнике, необходимо выполнять три условия: выпускать видеоклипы и сорокапятки, иметь приличное эфирное время на радио и телевидении, дружить с музыкальной прессой. Точное следование схеме гарантирует внимание фирм грамзаписи, любовь публики и отличные постеры (с которыми когда-то безжалостно расправлялся юный Хетфилд).

Феномен «Металлики» заключается в том, что без сорокапяток и эффектных видеосюжетов (выходя на сцену без грима, что также показательно), без трансляции композиций по радио и телевидению, под аккомпанемент насмешек солидной музыкальной прессы, группа не только встала во главе нового «тяжелого» андерграунда, но и приобрела репутацию супергруппы вне его. И, что более важно, воздействие «Металлики» на сознание массового слушателя сейчас ничуть не уступает «эффекту» «Бон Джови» или Брюса Спрингстина. «Металлика» играет рафинированный «металл», свободный даже от «наследственных примесей» помпезности и эклектичности — ритмическое богатство композиций, предельная лаконичность музыкальных тем, скрытая динамика на первый взгляд сухих аранжировок мгновенно выделяют группу среди множества подобных, взявших за основу внешние признаки «металликовского» «металла». В своих работах музыканты настолько честны и искренни, что создается впечатление, будто семидесятых — с их компромиссами, усталостью, лицемерием, прагматизмом, комплексами неполноценности и животным страхом перед будущим — никогда не было. Группа, способная гитарным риффом перечеркнуть тяжкое наследие «постреформистского десятилетия», может с полным основанием претендовать на звание наследницы шестидесятых, эры Вудстока и наивных «детей цветов». Только «Металлика» не наивна, а предельно ожесточена — утратой разноцветных иллюзий, своим временем и его жестокостью, и тем не менее они — второе поколение Вудстока.

Но история «Металлики» — это не только искренность шестидесятых, с их вызовом ханжеской морали, это и конец семидесятых, когда «новая волна» английского хэви метал-рока снова поставила все тот же вопрос: как жить дальше? Бешеная динамика музыки «Моторхэд», «Саксон», «Тайгерз оф Пэн Тэнг» и «Даймонд хэд» давала на него свой ответ: спасение в движении, в скорости — под лежачий камень вода не течет. Хватит болтать, пора заняться делом, человек сам хозяин своей судьбы!

...Датчанин Ларс Ульрих серьезно занимался теннисом. Настолько серьезно, что стал чемпионом Копенгагена среди юниоров. В 1980 году его родители перебрались в Лос-Анджелес, «пригороды которого чуть больше, чем вся Дания,— как говорит сам Ларс,— и классных теннисистов здесь больше, чем во всей Скандинавии». Спортивная карьера прервалась сама собой, и Ульрих так же серьезно занялся ударными (почему-то количество лос-анджелесских барабанщиков его не смутило). Спустя год ему попалось на глаза объявление в музыкальной газете: некий Джеймс Хетфилд ищет музыкантов для группы.

Они быстро сошлись, обоюдная симпатия переросла в дружбу. Приятель и сосед Хетфилда, Рон Макговни, стал бас-гитаристом, для соло пригласили черного гитариста Ллойда Гранта.

Вокал Хетфилда по силе и тембру оказался очень похожим на голос Оззи Осборна. (В 1986 году, во время совместного турне Оззи и «Металлики», Оззи пришел в раздевалку группы и сказал, что, если ему в скором времени придется отлучиться по делам на тот свет, никто этого не поймет: «Мы их задурим, парень, они будут думать, что ты — это я!»)

Грант выбыл из состава через неделю репетиций: ритмические эксперименты Хетфилда оказались не под силу этому, в общем-то, перспективному гитаристу. На его место пришел Дэйв Мастейн, и летом 1982 года «Металлика» записала свою первую композицию «Нет жизни без кожаных джинсов», в то время вполне отражавшую взгляды музыкантов на действительность. Ларс Ульрих самостоятельно сделал демонстрационную запись этой вещи — на обычном четырехдорожечном магнитофоне. Вскоре лента оказалась у владельца магазина грампластинок, который предложил ее новой независимой фирме «Мегафорс». Ровно через две недели после записи «Кожаных джинсов» «Металлика» подписала контракт на первую пластинку. Однако в самый разгар работы над пластинкой бас-гитарист Макговни тоже объявил, что играть с Хетфилдом больше не может: «От его ритмических сбивок у меня мозги вставали дыбом, он же чокнутый — мы играем рок или мы играем Стравинского? Я лично предпочитаю рок»,— до сих пор жалуется Макговни, играющий

сейчас рок в абсолютно безликой группе «Джайл рейд».

Хетфилд и Ульрих срочно вылетели в Сан-Франциско: если Лос-Анджелес — Мекка «тяжелого рока», то Сан-Франциско — как минимум ее пригород. Там, в небольшом клубе, они отыскали посредственную группу «Травма», но ее бас-гитарист играл как сам Джек Брюс, идеал, кумир любого музыканта, беззаветно щиплющего четыре коварные струны. Клифф Бертон — так звали его.

Клифф Бертон был профессиональным музыкантом с большим стажем работы. А еще он очень хорошо знал литературу и сам писал стихи — поэзия Бертона и отголоски его любимых книг нашли свое отражение в таких песнях, как «Зов Ктулу» и «То, что никогда не должно произойти». Как любой хороший бас-гитарист, Бертон прекрасно играл на рояле, владел музыкальной теорией — шаг за шагом он, словно педагог, вел своих менее опытных коллег к постижению основ музыки, закладывал фундамент для дальнейшей работы, высвобождал из оков невежества творческий потенциал Хетфилда. Незаметно для себя Джеймс обнаружил, что находит удовольствие в записи своих идей нотными символами: «Я даже не думал, что всю ту чертовщину, которая бродит в моей голове, можно оформить и вне репетиционного зала. Клифф дал мне все — уверенность в своих силах, спокойствие, он научил меня работать, и мне это понравилось».

В марте 1983 года группа приступила к прерванной записи альбома. Музыканты работали по двадцать часов в день, но... Появление Бертона, его «школа хороших манер» не прошли бесследно, Ульрих и Хетфилд почувствовали дискомфорт, хотя ничего вроде бы не изменилось. Однако изменилось. Изменилось их восприятие музыки, изменились критерии, требования, предъявляемые к материалу. «Дейв Мастейн — отличный гитарист, наверное, он самый быстрый гитарист в «металле»,— говорит Хетфилд,— но мы уже стали другими, а Дейв продолжал лупить по струнам, как будто ничего не произошло. Нам нужен был другой, кто смог бы управляться и с мелодиями».

Этим «другим» оказался Кирк Хэмметт из сан-францисской группы «Экседес» (см. «РЭР» в № 11/88.— *Ред.*), поклонник Джими Хендрикса и Майкла Шенкера, гитарист-виртуоз, способный воплотить любую чужую идею с точностью компьютера. К счастью, «рокировка» гитаристами прошла безболезненно (Мастейн с тех пор играет в «Мегадет», группе, которую называют «скоростной и прямолинейной копией «Металлики»).

Перед любителями жесткого рока появилась новая группа. Но не совсем такая, какой, предполагалось, может быть новая группа. Пространство, в которое предстояло тогда вписаться новичку, было строго ограничено — с одной стороны «Блэк сэббет», «Лед зеппелин» и «Дип перпл», великие «старики», вызывающие одновременно любовь и подсознательное раздражение каждого нового поколения поклонников «тяжести», с другой — «Куайет райет» и «Мотли крю», несколько «глэмовые» — лакированные — с точки зрения сторонников «чистого звука». Пространство — западня, ловушка, в которую попадались даже подлинные таланты: законы жанра требуют штампов, клише. «Металлика» заняла место вне этого пространства — выше, ниже, кому как нравится, но вне его.

Несмотря на некоторое стилистическое тяготение к манере «Блэк сэббет» и «Лед зеппелин», композиции «Металлики» выглядят более «сухими», резкими, а ритмические чудеса Хетфилда вообще ставят под сомнение принадлежность группы к року в традиционном понимании этого слова. Да, при желании здесь можно найти аналогии с ранними «Блэк сэббет», но в целом музыка «Металлики» гораздо более сложная, и без практики ночных бдений над пластинками «Кинг Кримзон» и «Джентл джайент» она вряд ли поддается анализу.

Однако тексты первого альбома «Убей их всех» практически не отличались от стандартных разработок, например, «Джудас прист»: рок, да здравствует рок и только рок!

Принципиально иным стал второй альбом «Оседлай молнию», выпущенный летом 1984 года. В музыкальном отношении он углубляет и развивает находки, которыми отмечен дебют группы, но стихи здесь вышли на первый план и несут такую же эмоциональную нагрузку, как и музыка. «Металлика» взялась за очень трудные темы: война, смертная казнь, наркомания, насилие, психозы, подавление инакомыслия — темы, которые с тех пор всегда присутствуют в творчестве этой группы.

Бескомпромиссная позиция группы, категоричный взгляд музыкантов на бытие привели к тому, что часть композиций с их третьего диска «Кукловод в театре марионеток» была запрещена к трансляции по национальной радиосети. «Особенно они вцепились в заглавную песню,— говорит Хетфилд,— приписали нам пропаганду наркомании и все такое прочее. Точно так же они сходили с ума от «Мрачный до черноты», им показалось, что мы призываем к самоубийствам. Идиоты! С точностью до наоборот в песне говорится о том, что раб может так привыкнуть к хозяину, что, получив свободу или лишившись хозяина, готов покончить с собой. Конечно, они поняли намек, они же хозяева, им нужны веселые, тупые рабы, которые ни о чем и не пытаются думать. Именно поэтому хозяевам и не нравятся наши песни».

В начале осени 1986 года «Металлика» отправилась на гастроли по Скандинавии. По дороге из Стокгольма в Копенгаген автобус с музыкантами и обслуживающим персоналом не удержался на скользком повороте и перевернулся. Погиб один человек, Клифф Бертон. Ему было 24 года.

«Металлика» объявила конкурс бас-гитаристов. Через две недели они получили 340 демонстрационных записей, из которых отобрали одну. Ее автором был Джесон Ньюстед из группы «Флотсэм энд джетсэм» (см. «РЭР» в № 1/89.— *Ред.*): «Когда я пришел на прослушивание, то увидел трех мрачных парней в черных майках и джинсах. Я взял бас-гитару, они включили фонограмму. Со второго раза я «попал» и рискнул на импровизацию. Когда я отыграл полчаса, они переглянулись, молча пожали мне руку и вытолкали за дверь. Я так тогда и не понял, подхожу я им или нет». Он им подошел.

«...и справедливость для всех». Так называется последний двойной альбом «Металлики» («Международная книга» предоставила редкий подарок нашим любителям группы — этот альбом югославского производства могли, правда, с большими трудами, приобрести посетители международного фестиваля «Интершанс» в Москве). Впервые после записи «Убей их всех» группа пришла в студию с полностью готовым материалом. Работа двигалась очень тяжело: давила мысль, что это первые самостоятельные композиции, сквозь ноты которых не пробегал взгляд Бертона.

Поэтические образы пришли в песни «Металлики» из жизни. С экранов телевизоров, со страниц газет. Джелло Биафра, бывший лидер суровой группы «Дэд Кеннедиз», первым попал под огонь цензуры, которую пытались навязать рок-музыке. Он возбудил иск против государственных институтов, мечтающих о тотальном контроле творчества, и выиграл процесс. Об этом песня «Представление о прекрасном».

Композиция «В канун» — реминисценции детства. Не только Джеймса Хетфилда, воспитывавшегося в невероятно — по нашим меркам — религиозной семье, но и всех тех, кто прошел через неусыпный, казарменный контроль родителей: «Какой же ад вы для меня устроили, я вырос под вашим бдительным оком, я не знаю жизни, и теперь я снова живу в аду». «Они собирались по вечерам с друзьями и шепотом рассказывали друг другу, как один парень заболел, но не стал молиться, а принял лекарство. Как же, бог не велит. А к утру отбросил коньки. Я сидел и думал: «Если вы верите в бога, разве вы не понимаете, что он дал вам мозги не только для одной лишь веры в него? Не пора ли заняться чем-то полезным?»

Дискография «Металлики»:

Metal Massacre, 1982 (сборник «тяжелых» групп; «М.» — 1 песня)· Jump in the Fire, 1983 (EP); Kill 'Em All, 1983; Ride the Lightning, 1984; Master of Puppets, 1986; The $5.98 E.P./Garage Days Re-Revisited, 1987 (mini LP); ...and Justice for All, 1988 (2LP).

В своем стремлении познакомить вас поближе с творчеством самых популярных ныне исполнителей мы как-то на время удалились от музыки, что была и есть прародительницей и составляющей всех музыкальных стилей и направлений, в том числе и рока,— народной музыки. Сегодня мы предлагаем вам ирландскую народную песню, а надо сказать, что ирландская народная песня «подпитывала» творчество многих известных групп — в частности, «Клэннед», «Ю-2», «Тин Лиззи»... Песня эта называется «Немного мира»:

«Порой я чувствую себя словно цветок на снегу, словно свеча на ветру, словно птица, что не может больше летать. Немного любви, немного дел, чтоб построить мир, о котором мы только мечтаем, немного терпения и понимания, и завтра — немного мира. Мы — перья, уносимые ветром, так пой мою песню о мире со мной. И если на плечи мне ложится непомерный груз, я представляю себе свет в конце пути, и, закрыв глаза, я вижу сквозь мрак ту мечту, что живет в моем сердце. Мне кажется, что я лист на ноябрьском снегу, я падаю на холодную землю, и я беспомощен — один с моей песней, я лишь хочу, чтобы буря прошла. Но — немного солнца и море радости, чтобы смыть все слезы печали, немного надежды, немного мольбы — за наше завтра, за капельку мира».

But just as I'm falling weighed down by the load, I picture a light at the end of the road and closing my eyes I can see through the dark, the dream that is in my heart.

I feel I'm a leaf in the November snow. I fell to the ground- there was no one below. So now I am helpless, alone with my song, just wishing the storm was done.

A little sunshine a sea of gladness to wash away all the tears of sadness, A little hoping, a little praying, For our tomorrow a little peace.

Carlin Music

Ровесник

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Фоторепортаж из лагеря отдыха для тяжелобольных детей, открытого кинозвездой Голливуда Полом Ньюменом.

«Некст-стоп». О контактах неформалов из Скандинавских стран с советской молодежью.

Допинг и спорт. Каковы причины и последствия применения допинга в спорте!

«Жена по почте» — очерк английского журналиста.

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.